

Ты — заложница... Ты — заложница своей работы! — с такими упреками, переходящими в крик, встретил ее муж.

Асем, которая вошла в дом с предосторожностями, стараясь не нарушить сонный покой в прихожей, не звякнуть ненароком ключами, не скрипнуть отворяющейся дубовой дверью, испуганно вздрогнула от внезапного грубого мужского голоса.

Громкие крики мужа нарушили тишину дома. Сотрясающие стены, они разбудили спящую в детской комнате единственную дочь Жулдыз. Напуганный криком отца, ребенок резко оторвал голову от подушки. Стал прислушиваться...

— Дорогой мой, неужели ты думаешь, что я нарочно задерживаюсь допоздна? Просто начальник дал много поручений, — начала было успокаивающе объяснять Асем, пытаясь урезонить мужа, но Даир разгневался еще больше.

— Говорил же, ты — пленница своей работы! Ты лишена личной свободы! Ты рабыня своего министерства!

Жулдыз, будучи уже в сознательном возрасте, всегда жалела маму, когда папа время от времени так повышал на нее голос. Надеясь, что отец, увидев ее, утихомирится, она встала и выбежала в прихожую. Так и есть, отец, увидев неподвижно замершую на пороге полусонную дочь с широко раскрытыми глазами, сразу же успокоился. С всклокоченными волосами, бросающий гневные взгляды на жену, он, словно смутившись своего вида, миг изменился.

— Жеребеночек мой, чего ты соскочила, иди ложись, завтра рано вставать, — произнес он, приблизившись к дочери и взяв ее за руку, каким-то особенным мягким голосом, в котором уже не было недавней грубости.

В это время Асем, воспользовавшись моментом, быстро проскользнула в спальню...

Торопливо поменяв деловой костюм на легкое платье, вышла и направилась на кухню. Иногда она приносила с собой горячие манты, несколько видов салатов, которые заранее заказывала в министерской столовой. Более того, можно сказать, что дастархан для встречи гостей дома тоже полностью сервировался из блюд министерской столовой. Даже поминальные семь лепешек и баурсаки готовились там же. Заказы в сто-

ловой делала не только Асем, но и все женщины, работающие в министерстве. Бывало, к концу рабочего дня образовывалась очередь за их получением. Но вот сегодня она не успела заказать горячее. Чувствуя свою вину, быстро поставила чайник на газовую плиту и только взялась за казанок, как на пороге вновь появился муж. Едва сдерживая себя, он плотно прикрыл за собой дверь. Не хотел, чтобы ребенок слышал дальнейший разговор между супругами. Асем, стоя к нему спиной, почувствовала, что его раздражение еще не прошло, и от присутствия рядом разгневанного мужа дрожь пробежала по ее телу.

Приоткрыла крышку казанка, он оказался пустым. Потянулась к холодильнику, чтобы согреть еду, если она осталась со вчерашнего дня.

— Что ищешь? Где ты видела, чтобы в доме без хозяйки была приготовлена еда? Мы с ребенком сварили себе немного пельменей, поели, — снова зло проговорил муж ей в затылок.

Бедная женщина, которую бросили в жар злые упреки, молча выключила закипевший чайник.

К горлу женщины подкатил комок, к глазам подступили слезы. Стараясь не смотреть в сторону мужа, она открыла дверцу холодильника, чтобы взять что-нибудь для ужина.

Положив задрожавшей рукой в заварной чайник ложку чайных гранул, залила кипятком. Муж, все такой же сердитый, сидел за столом. Отодвинув пиалу, поставленную ею перед ним, сквозь зубы выдавил:

— Асем, дорогая, до каких пор мы с ребенком будем сиротой и вдовцом при живой матери и жене? — Он вновь вернулся к периодически поднимаемой им теме. В такие моменты его «дорогая» звучало так холодно, что лучше бы он начал с «эй, баба» или бы даже ударил.

— Как все дороги начинаются с первого шага, так и становление личности начинается в семье. Семья — это первый коллектив, который дает человеку понятие о ценностях жизни. Каких высот достигнет человек, станет ли он уникальной личностью или же сформируется без достаточного человеческого мировоззрения, все это связано с тем, насколько он получил должное воспитание от родителей в детском возрасте.

Мы должны воспитывать не только словами, но и поступками. Родители для ребенка — личность. Родители для ребенка — самое настоящее зеркало. Младшие

по возрасту равняются на нас. Поэтому хорошо бы придавать значение даже самым мелким поступкам.

Рядом с нами растет ребенок, к тому же девочка. Ей больше нужна доброта и забота мамы, чем отца. Впереди у нее, как у всех подростков, переходный возраст, с кем она тогда будет делиться сокровенным? С кем она будет советоваться по вопросам личной гигиены девочек? Если бы она была сиротой, я бы позвал на помощь сестренку или кого-нибудь из родственниц. Но разве будешь обсуждать эти проблемы с кем-то, когда рядом есть мама? Ведь дело не в уборке дома, не в еде. Мы нанимаем человека для уборки в доме и стирания. И с этим я согласился. Но как мы найдем человека, который заменит мать ребенку? Подумай же... — словно скинув с плеч груз, смягчив при этом голос, подытожил Даир свои мысли.

Асем никак не могла возразить мужу в ответ на его справедливые слова. Молча, все держа в себе, она продолжала глотками отпивать чай, беря со стола то, что попадалось в руку.

Супруги сидели молча...

Ясно было, что каждым из них овладевали свои мысли. Асем по природе своей предпочитала тишину и молчание. Особенно в тех случаях, когда их мнения расходились и они не могли прийти к согласию. Както ее старший брат посоветовал младшему, что «если провинился перед невесткой, то не спорь. Я не встречал мужчину, победившего женщину. Лишь виновато посмеивайся и отшучивайся. Смеющийся человек всех одолеет». Запомнив это, Асем, если чувствовала вину перед мужем, старалась размягчить его веселой шуткой или улыбкой. Но ведь не всегда смех уместен, какому мужчине понравится веселье в неподходящий момент. Самое лучшее — промолчать. Ведь недаром говорили наши предки: «Молчание от самой большой беды извбавляет».

С улицы, через открытую форточку, нарушая уличную тишину, донесся пронзительный вой сирены скорой помощи. Этот неожиданный громкий звук навел Асем на мысль: «Возможно, везут человека, свалившегося с ног от вечной спешки, торопящегося сделать как можно больше, как я. Наверное, постоянная загруженность работой привели его к сердечному приступу».

Хотя Даир и поступал так, как свойственно мужчине, в душе он жалел жену. «Бедняжка, как стала заведующей отделом, носится как сама не своя, совсем выбилась из сил. На работе начальник департамента с нее спрашивает, дома муж пытается. Словно между двух огней находится. Да, не позавидуешь женщине». Размышляя так, он невольно время от времени тепло и с сочувствием поглядывал на жену.

По-прежнему молча они оба прошли в спальню — к супружескому ложу.

Ему показалось, что халат, легко соскользнувший с плеч Асем, подтолкнет ее в объятия мужа. Тепло и сладкий запах женского тела манили его к ней.

Недавняя жалость, смешавшись с овладевшими им чувствами, сделали свое, он притянул к себе и обнял жену, которая лежала, отвернувшись в сторону двери. Асем обладала хорошим качеством: она не могла долго таить обиду. Даже когда между ними случались обычные житейские ссоры, стоило Даиру завести разговор, она начинала прислушиваться к тому, что он говорит. И за эту отзывчивость, благородную черту, характерную не для каждой женщины, много знавший и читавший и немало повидавший в своей жизни большой ученый, каким являлся Даир, очень уважал жену.

Отлично зная ее характер, все еще лежа на спине, он начал разговор издалека.

— Жулдыз взрослеет. Она все больше будет познавать мир вне дома. А ты, как назло, рано уходишь, поздно возвращаешься. Мы перестали втроем по-семейному общаться, ты не можешь стать дочери подругой, чтобы она могла поделиться своими секретами. Казашку нельзя сравнивать с западной женщиной. Казашкам не присущ эгоизм западной женщины. Главное предназначение казахской женщины — заниматься семьей, мужем, потомством. Быть устроителем семейного быта. Мы — нация, которая возвела в правило принцип философии Востока «Путь женщины тонок», — заключил Даир.

Асем, молча слушая, вдруг повернулась к нему, взяла мужа за руку. Так она давала понять, что поддерживает сказанное им...

Хотя женщина и внимала всему, что говорилось, но в мыслях она была далеко. «В чем же моя вина? В том ли, что я с ответственностью исполняю государственную службу?! Мне кажется, если только я скажу, что не буду работать и уволюсь, оставлю свое место, то никому не стану нужна. Да и зарплата неплохая...» — размышляла она про себя, чувствуя тепло руки мужа. За день хотя бы один знакомый да позвонит, чтобы она *помогла устроиться на работу или одолжила денег*. Как послушаешь, вся их жизнь состоит из кредитов. Все необходимое для дома берут в кредит, ездят на автомобилях, взятых в кредит, и жилье приобретают в кредит, даже свадьбы детей устраивают в кредит. Определяющее слово в их жизни — не хватает. Как ни старайся, *не хватает*. Возможно, им даже в голову не приходит, что можно все приобретать за наличные деньги.

Их семья, благодарение Всевышнему, избавлена от таких проблем. Муж преподает в высшем учебном заведении. Видимо, потому, что он преподаватель, иногда

начинает целыми трактатами-лекциями рассуждать о жизни. И выходит у него это увлекательно — даже сама Асем, бывает, молча застывает и слушает, позабыв, что она жена этого лектора. А доводы доктор Даир Каменович приводит такие убедительные, что со следующего же дня хочется бегом следовать по проложенному им пути. Если во время этого забега посмотреть на противоположную сторону дороги, то кажется, что видишь, как недавнее «не хватает» стремительно приближается к тебе. Во время таких бесед по душам ей хочется последовать его совету, бросить работу, сидеть дома, прижав к груди ребенка, готовить все самое вкусное для любимого мужа, угождать ему во всем. Но жизнь диктует свое. Утром вновь просыпаешься со звоном будильника и спускаешься вниз к служебной машине. Будильник, надо сказать, ставился лишь для порядка. Сама же Асем просыпалась за пятнадцать минут, а то и за полчаса до звонка. Такая привычка появилась у нее еще в первые годы работы на государственной службе благодаря Майре Мельдешовне, бывшей ее первым руководителем и приучавшей молодых к дисциплине. Однажды апаи спросила у девушек из отдела:

— Кто утром просыпается со звоном будильника?

— Я, — ответила Жанар.

— И я, иначе просплю, — выложила правду Сагыныш.

Поделались своими откровениями и другие.

— Я хоть и ставлю будильник на семь часов, но просыпаюсь раньше звонка, — сказала Асем.

— Настоящий государственный служащий должен всегда чувствовать огромную ответственность, возложенную на него, будь он дома или вне дома, даже ложась спать. Он следит за своей речью, осторожен в поступках, находясь, например, в обществе, среди людей, на каком-либо торжестве или еще где. То, как себя ведет государственный служащий, что он говорит, является для людей образцом, глядя на него, общество решает, кому же можно доверить будущее страны. Поэтому государственному служащему всегда присуще чувство ответственности. Именно оно поднимает его утром с постели хотя бы за десять минут до звонка будильника. И это же чувство приводит примерно на десять минут раньше на рабочее место, чтобы привести в порядок бумаги и начать работу к девяти часам, — такими словами она воспитывала девушек.

Она удивилась, насколько верными были требования по дисциплине у Майры Мельдешовны, когда спустя годы, в двухтысячные, увидела в этическом кодексе государственных служащих особые профессиональные предписания, регламентирующие правила поведения и взаимоотношения с людьми. Майра Мельдешовна, ставшая ее наставником, казалось, и поныне была рядом, указывая верный путь.

«Манера держаться начинается с приветствия друг друга. По служебному этикету первым здоровается тот, кто умнее и лучше воспитан». Поскольку у женщин равные с мужчинами служебные права, она может поздороваться и первой. Согласно нормам этики мужчина первым здоровается с женщиной, старшего по возрасту человека первым приветствует младший, вышестоящее начальство — подчиненные. Мужчинам следует здороваться за руку, женщинам — как им удобно. Во многих странах, в том числе и в нашей, принято целовать руку замужней женщине», — этим правилам, законодательно утвержденным и включенным в этический кодекс для государственных служащих, Майра Мельдешовна неустанно обучала своих подчиненных еще в прошлом веке.

«Что нужно делать, чтобы хорошо излагать мысли? Для этого особое внимание надо уделять, во-первых, чтению художественной литературы, постоянному пополнению образных выражений через заучивание наизусть стихотворений и изречений. Чем больше мозг запоминает текстов, тем легче можно использовать их в нужный момент. Во-вторых, сначала ты сам должен вникнуть в то, что будешь говорить. Каждое сказанное слово, пусть даже оно короткое, каждое предложение нужно строить грамотно», — говорила она.

Майра Мельдешовна также обращала внимание на внешний вид сотрудников на работе. «Не одевайтесь ярко и броско, не увлекайтесь пюбрюкшками. “Белое платье, черный бешпент!” — знаете же, так начинается народная песня “Красивая девушка”, так и вы, как в песне, если сможете сочетать белое с черным, то никто не сравнится с вами», — шутила, напевала она. Следуя той

заведенной традиции, Асем в основном надевала белую блузку и черную юбку. Преобладали и брючные костюмы. И они были в черно-белом стиле. Беспрекословно прислушивалась к словам наставника, выполняла точно все ее задания, была самой послушной среди девушек. Из всех тех девушек осталась одна Асем, полностью посвятив себя работе, отказавшись от радостей молодой жизни, томами читая книги, делая при этом нужные пометки на белых листах.

*...Если падал, то не склоняясь ни перед кем,
Если плакал, то плакал без слез.
Должность не была для тебя важна,
Если критиковал, то в пух и в прах.
Остер на язык, своенравен, упрям,
А если падал, то уже не вставал... —*

так писал акын Нурлан Оразалин о своих старших товарищах, находящихся на государственной службе, поэтому и она была терпелива, решительна, патриоткой и государственнымником, находясь среди любящих свой народ старших товарищей, у кого-то училась, кого-то сторонилась, в ком-то видела друга, на кого-то могла положиться, то есть стала своего рода кирпичиком в фундаменте страны, своей Родины, еще молодого суверенного государства.

Как говорит муж, по своей воле стала «пленницей своей работы», по своей воле ходит «в заложницах»...

2

Асем родилась в одном из густонаселенных аулов у отрогов Каратау. Несмотря на то, что местность называлась предгорьем, на самом деле это была плоская степь. Необъятная и неоглядная. Когда едешь на поезде, не увидишь ни одного одинокого растения, за которое мог бы зацепиться взгляд. Поезд все мчится и мчится, а ты видишь только задуваемую песками степь. Всю ночь надо ехать, огибая далекую темную гору, и только ближе к утру доберешься до соседних окрестностей, где можно увидеть ковыльную степь в цветах.

Их аул назывался Комсомол. Это название было дано аулу в начале прошлого века. Вся молодежь собиралась в красной юрте обучаться грамоте, и когда был вбит первый колышек для строительства домов, видимо, они и присвоили аулу имя созданной ими организации. Все, кто закладывал камень в фундамент аула Комсомол, не дожили до начала нового века. Теперь в нем заправляют всеми делами их внуки, а правнуки учатся в школе. Одной из них была Асем. Она окончила среднюю школу в родном ауле с золотой медалью. Отец очень обрадовался, когда она привезла из районного

отдела образования небольшого размера, в целковый, золотую медаль, исполненную из желтого металла (может, и вправду было золото).

— Это первая медаль в истории нашей школы, теперь ты можешь выбрать для поступления любое высшее учебное заведение, — обрадовался этому ее старый наставник.

В то время поступление в вуз считалось чуть ли не залогом обретения в будущем благополучной жизни. Проведя пять лет счастливой студенческой жизни, едешь по направлению на работу, где тебя как молодого специалиста обеспечат жильем. Создашь семью, ребенка отдашь в детсад, государство окажет материальную поддержку, обеспечивая топливом, водоснабжением, и ты, ни о чем не заботясь, трудишься по избранной специальности...

Если ребенок поступил в высшее учебное заведение, то родители несказанно радовались этому, словно выполнили первейший долг перед своим дитятей. И отца Асем, учителя Жумаша, это обстоятельство по-особенному окрыляло и наполняло радостью. Но важнее для него было то, что его дочь, его воспитанница, окончила школу с золотой медалью, оправдав его сорокалетний учительский труд. Теперь ей предстояло поступить в высшее учебное заведение, и тогда она действительно станет гордостью школы. Ведь учитель без воспитанников — ничто.

Асем с детства мечтала о журналистике. Писала обо всех событиях, которые происходили в ауле, школе, отправляя заметки в газету «Пионер Казахстана», а став старше, писала о том, о чем мечтала и размышляла, постоянно отсылая статьи в областную газету, в республиканскую молодежную — «Лениншіл жас». То было время, когда безотказно действовала советская почта. Одни из них публиковались, на другие приходили ответы, некоторые же оставались без ответа...

Благодаря публикациям, которые Асем писала без усталости и с упорством, она сразу же была принята в Казахский государственный университет. На оценку «отлично» сдала творческий экзамен на свой желанный факультет журналистики, а затем, благодаря золотой медали, прошла без экзаменов. Она тогда впервые почувствовала, увидев, как отец от радости был на седьмом небе и словно вознесся на Алатау, что совершила великое дело. Это чувство сопровождало ее все пять лет в университете, в котором она училась только на «отлично» и который окончила с красным дипломом. Когда другие девушки, с которыми она вместе училась, устраивали личную жизнь, выходя замуж, Асем гордо шла с красной корочкой поступать на работу. Да еще на какую работу! Не принимавшие в советское время женщин на работу журналисты-мужчины из главной газете

ты страны охотно пригласили ее в свое издание. Прямо в учебном заведении ей выдали направление в газету «Социалистік Қазақстан», которая, образно говоря, являлась штабом казахской журналистики.

В этом издании женщины работали лишь корректорами, машинистками, а также сотрудниками бухгалтерии. В редакции специально направленную сюда Асем, что называется, не знали как приветить и куда усадить. Сам главный редактор позаботился о том, в какой отдел определить Асем, единственную девушку среди тридцати мужчин. Сначала он пригласил нового работника к себе в кабинет, чтобы познакомиться. Непросто было ей предстать перед человеком, чье имя было широко известно во всем Казахстане, авторитетного мнения которого многие побаивались. Заместитель ответственного секретаря сказал Асем, что ее вызывает первый руководитель, привел в приемную и остался вместе с ней ждать приглашения в кабинет. Секретарша руководителя неприязненно поглядывала на молодую девушку, как будто она собиралась отобрать у нее ее место. Да и членам коллектива было любопытно видеть девушку в приемной главного редактора, который никогда до этого не принимал на работу женщин. Все, кто входил и выходил из кабинета начальника, проходили мимо, украдкой бросая на нее взгляды. Казалось, они думали: «Даже будь она семи пядей во лбу, скорее всего, пришла устраиваться секретаршей». Как отметила про себя Асем, вроде уже наступило время перерыва на обед. А она все еще сидела здесь. И ни один человек не поинтересовался, *чего она ждет*. Все побывавшие в заветном кабинете выходили оттуда, словно взвалив на себя все земные тяготы, и быстро устремлялись к выходу, как только за ними закрывалась дубовая дверь. Уходили с таким рвением и усердием на лице, будто на самом деле намеревались все моментально переделать.

Большая черная дубовая дверь, которая с утра открывалась лишь с этой стороны, вдруг неожиданно распахнулась изнутри, в приемную вышел широколобый, с аккуратной, словно только что из парикмахерской, прической мужчина в белоснежном пиджаке и брюках. Девушка-секретарь вскочила с места, и мужчины, стоящие перед дверью, придя в себя, начали протягивать руки, произнося «Ас-салау-магалейкум!». Асем тоже, как и все, быстро поднялась с места, сама того не замечая, во все глаза смотря на известную в стране персону, внимая каждому его слову. Поздоровавшись со всеми за руку, он увидел Асем.

— Ты тоже ко мне? — обратился он, чуть опустив очки.

Асем не успела раскрыть рот, как подкатил невесть откуда взявшийся ответсекретаря.

— Баке, это же Калдыбаева! Направленная к нам из КазГУ, — поспешил она познакомить их.

— А, это ты, кто в жизни не получал других оценок, кроме пятерок? Тогда пойдём, — произнес он и, снова распахнув дубовую дверь, первым вошел в свой кабинет.

Последовал устный опрос-экзамен о том, где она родилась, кто ее родители, в какой школе училась, спросил он и о наставниках, преподававших в КазГУ. Как бы между делом поинтересовался, почему Асем пошла в журналистику, что она знает о газете, где собирается работать, о реформах, происходящих в последние годы в республике. Она, привыкшая с детства четко и ясно говорить о том, что знает, отвечала на вопросы. В какой-то момент руководитель вызвал по черному телефону, стоящему рядом с ним, ответсекретаря.

— Этот новичок говорит четко и ясно, хорошо бы и работала так же. Отправь ее в социальный, пусть пройдет школу Сабырбая! Приказ подпишу завтра, — сказал он, дав понять, что *на этом разговор окончен, что она принята на работу*.

Школа Сабырбая оказалась действительно настоящей школой. В университете учили одному, а то, чему она научилась у Сабырбая-ага, и вправду была совсем другая наука. Она хорошо помнила, как на журфаке неделю читали лекцию на тему «Блокнот и ручка», затем сдавали зачет. Разъясняли, как корреспондент, беря интервью у собеседника, должен быстро записывать его ответы в блокнот, сократить длинные предложения собеседника и вкратце запомнить слова. И на экзамене попадались такие вопросы. Асем отличалась от однокурсников особенной чертой — очень хорошей памятью. Она сразу же запоминала сказанное преподавателем и без запинок отвечала на экзаменах. Сабырбай-ага начал учить именно с этого. Как корреспондент должен брать интервью? В то время иметь диктофон не каждый мог позволить себе. Такое чудесное приспособление если и выделялось редакции, то его получали только руководители или заведующие отделами. Поэтому умение работать с бумагой и ручкой, точно записывать слова собеседника во время интервью считалось искусством. Как наставлял Сабырбай-ага, *если в газете, говорящей от имени Коммунистической партии, хоть одно слово будет направлено против нее или же останутся неупомянутыми заслуги партии, то тогда может случиться самое непоправимое*.

Пошли напряженные журналистские будни. С девяти часов утра Асем получает задание от Сабырбая-ага, вешает через плечо сумочку и спешит туда, где произошло событие, или же ищет тех, с кем надо беседовать. В те времена не было и в помине машин, развозящих журналистов, как сейчас. На единственной

редакционной «Волге» ездило только начальство. Все остальные корреспонденты добирались до нужных адресов на общественном транспорте. Правда, некоторым из них доставалась бумажная корочка под названием «проездной билет», дающий право на бесплатный проезд на общественном транспорте. Со временем один из них получила и Асем. Поскольку проезд стал бесплатным, то в сохранности оставались карманные деньги. Вот так, бегая с редакционными заданиями от Сабырбая-ага, она даже не заметила, как ей перевалило за двадцать пять.

Довольная тем, что занимается любимым делом, что находится в престижном коллективе, она посмотрела на себя со стороны, лишь когда одноклассница Зореш пригласила ее отпраздновать поступление своего первенца в школу. Сидя на почетном месте на этом торжестве, она вдруг осознала, что главная обязанность женщины — это выйти замуж и вырастить потомство.

Зореш переполняет счастье — рядом муж, она окружена детьми. Два сына и дочь у нее такие обаятельные, что хочется расцеловать каждого из них. Муж — среднего роста худощавый джигит. Похоже, что Зореш, за плечами которой лишь педтехникум, работая в городской школе, пользуется уважением коллектива, родителей и учащихся. Во время застолья похвальные слова в ее адрес говорили директор школы, коллеги, гордились успехами Зореш ее родственники.

Это радостное торжество и заставило ее задуматься о том, что цель жизни — создать семью, и даже зародило досаду, что она запоздала с этим. Мысли по этому поводу все больше стали занимать ее. Теперь, знакомясь с парнями, она рассматривала их как потенциального претендента в мужья. Раньше она на всех мужчин, находящихся рядом, смотрела как на коллег или как на людей, с которыми свела судьба просто по долгу службы. Теперь же ее в них волновало все — *холост ли, сколько ему лет, на какие качества девушек обращает внимание*. Как назло, все мужчины, на которых она обращала внимание, оказывались не свободны. То есть пока Асем училась-трудилась, набиралась практического опыта, шустрые девушки повыходили замуж за хороших парней. «Мужчины не женятся, их женят на себе женщины. Никакой мужчина не удержит женщину вопреки ее воле. До тридцати нужно кого-нибудь женить на себе», — не переставая твердила ей соседка по общежитию Алма, которую за глаза называли малопривлекательными словами — *старой девой*.

Но сколько бы она ни думала о том, *кого бы на себе женить*, ни с кем она пока не встречалась. Холостяки в узких брючках, которых она видела и с которыми знакомилась, никак не соответствовали ее стандартам. Если судить по запросам Асем, знающей наизусть весь

казахский фольклор и казахскую литературу советского периода, засыпавшей за чтением шедевров мировой литературы, парень-интеллектуал для нее еще не родился. Он представлялся ей словно сказочный принц на белом коне. Надо было, как подруга Камила, выйти замуж на первом курсе за одного из несмышленных однокашников. Теперь ей в одном не нравится одно, в другом — другое. Как говорит мать, богач обходит, бедняк не устраивает. Она еле выбила комнату в общежитии издательства, прописалась в городе и стала в очередь на квартиру. Хотела выйти замуж за парня, имеющего крышу над головой, но встречались такие же, как она, без жилья. Что толку от того, что ты стремишься к высоким и заветным целям, исполнена мечтаний, являешься кладезем знаний, если не дано хоть крупинцы счастья. Иногда, лежа одна в постели в своей маленькой комнате, горевала по этому поводу. Хорошо, что порой старшие коллеги поднимали ей настроение, отмечая ее по большим праздникам за хорошие статьи.

Во время дежурства в редакции по вечерам, которое выпадало раз в месяц, она распивала чай с девушками из корректорской. Те встречали Асем как принцессу, выставляя на стол все, чего она пожелает. Дело в том, что эти девушки тоже в свое время приехали в Алматы с целью *стать журналистом*, окончили высшие учебные заведения. К сожалению, не сумев устроиться в отдел, остались, как они говорят, *хотя бы в газете исправлять ошибки*. Одна из них, очень талантливая, шутит: «Для меня счастье даже мыть полы в “Лениншіл жас”». Поэтому они радуются тому, когда их ровесники достигают вершин, до которых сами не дошли. Что говорят за глаза, неизвестно, но в ее присутствии они неизменно восхищались: «Асем, ты счастливая, твои статьи печатаются. Ты сильная журналистка в “СҚ”».

3

Дни переходили в неделю, недели становились месяцами, месяцы превращались в годы, когда уже в тридцать лет она познакомилась с Жайсаном.

Он окончил университет искусств, по профессии — живописец. Она и раньше замечала, что творчески одаренные люди словно созданы Всевышним из другого теста, их внешний облик незауряден, увидишь такого — глаз радуется, на душе теплеет. И артисты, и художники привлекают людей своим внутренним светом и сиянием. Или же это происходит от того, что таким даром их наделил Всевышний?!

Увидев его однажды, она уже не могла не думать и не вспоминать о нем, в глубине ее души словно вспыхнул всепоглощающий огонь. Хотя она была в том возрасте, которому присущи рассудительность и степен-

ность, какая-то сила не давала ей покоя, подталкивая к поиску повода для встречи с Жайсаном. После работы медлила уходить, внутренне надеясь, что из лифта, установленного рядом с металлической лестницей, по которой без конца сновали служащие девятиэтажного «Дома печати», вдруг выйдет Жайсан. Поначалу даже сама не замечала, что сидит как привязанная. Они впервые встретились с Жайсаном именно у этой лестницы...

В тот день она ждала, когда придет вызванный ею лифт. По железной лестнице поднимался, опустив голову с черными и жесткими волосами, юноша. Пока поднимался, по сторонам даже не оглядывался. Он нес, перевесив через плечо, большую сумку. Одной рукой он крепко придерживал ремешок, а другую держал в кармане ветровки. Лишь полностью пройдя лестницу, поднял голову и посмотрел перед собой. Асем, стоявшая в ожидании лифта, встретившись взглядом с парнем, непонятно почему, застыла неподвижно, у нее перехватило дыхание.

Какой красивый мужчина! Светлый лоб, черные жесткие волосы зачесаны назад. Брови как у беркута, из-под них пылко смотрят глаза, словно испепеляя все вокруг. Этим огнем он задел и Асем. Вместе вошли в лифт. Асем нажала кнопку четвертого этажа, а парень так и стоял неподвижно. Каждый был занят своими мыслями, а четвергом этаже дверь открылась, и Асем вышла. Парень тоже вышел следом. Асем пошла своей дорогой, как вдруг парень ринулся к закрытой двери лифта, приговаривая: «Ой, стой-стой!» и снова и снова нажимая на кнопку.

— Жаль, оказывается, я вышел вместе с вами, а мне надо было на девятый этаж, — заговорил он с Асем.

— Почему тогда вышли? — спросила девушка, улыбаясь.

— Задумался о чем-то и вышел в открытую дверь, — досадовал парень.

— Если не будете осторожны в лифте, дверь не откроется, и останетесь взаперти, — пошутила девушка и пошла в сторону своего отдела.

Уходя, она чувствовала, как остановился лифт, как открылась и закрылась дверь.

После этого в конце рабочего дня она снова встретила с тем парнем в лифте, где, кроме них, было еще несколько человек. Когда вошла Асем, он стоял в углу. Та же сумка на плече, тот же блеск в глазах, тот же вид. Девушка сама не заметила, как улыбнулась, вспомнив, как утром он заблудился. Парень ответил улыбкой. Когда опустились на первый этаж, он первым ринулся наружу. Асем, из-за медлительности впереди идущих пожилых людей, не смогла быстро выйти из лифта и потеряла парня из виду.

После этого она еще пару раз встречалась с ним на этом месте. При виде его невольно улыбалась. Более

того, они стали здороваться. Она стала привыкать к нему, после работы, волнуясь, задерживалась у лифта. Выходя из него, оглядывалась, тайное чувство стало беспокоить ее душу, она с волнением ждала встречи с ним. В книгах, в кино рассказывалось о том, как парни оказывались в подобных ситуациях, влюбляясь в девушек. Поэтому то, что она сама оказалась в такой ситуации, что постоянно думает о нем, стало даже тревожить ее. «Это что же — любовь с первого взгляда?! Может, у него есть семья?! Что за легкомыслие — с таким волнением смотреть на входную дверь. Сердце раскисло, что ли, от тоски по нему...» — таким образом журила она себя.

Как-то коллега из одной редакции на девятом этаже справляла день рождения в рабочем кабинете. То было благодатное время, не как сейчас, — журналисты получали два раза в месяц гонорар, на два раза поделенную зарплату. Больше напишешь — заработаешь на хлеб с маслом. Дни рождения справляли прямо в рабочих кабинетах, купали на зеленом базаре, расположенном рядом, все подряд, вино и водка лились рекой. Оставались после работы, включали на всю громкость магнитофон «Романтик» и танцевали.

Однажды она пришла по приглашению в назначенный день к застолью, а там с сияющими глазами сидел он...

Познакомилась за столом. Звали его Жайсаном. *Бог ты мой, какие все же мастера казахи придумывать имена!* Благородный (такой примерно смысл имеет слово «жайсаң») — он и есть благородный! Самый лучший из всех мужчин, которых она видела до этого возраста. По правде говоря, бедняга, она, оказывается, за все эти годы ни в кого толком и не влюблялась. Кто ее заметит, если не поднимала головы от книг, чтобы школу окончить с медалью, университет — с красным дипломом? Кто заметит ее, уткнувшуюся в книги, с огромными очками на носу? Окончив учебу, устроилась на работу. Здесь увидела одних семейных мужчин. Если изредка, освободившись от работы в редакции, сходит в гости, возле каждого мужчины, завладев им, надменно сидит его женщина. Так и встретила Жайсана. К ее счастью, он оказался холостым.

После этого знакомства они тепло здоровались при встрече, затем он пригласил ее в кино. Это была мелодрама «Мой ласковый и нежный зверь», поставленная по мотивам повести Антона Чехова «Драма на охоте», ставшая в том году призером Каннского фестиваля. Единственной мечтой героини Ольги, вышедшей из бедной семьи, было выйти замуж за состоятельного человека, и несмотря на то, что в жизни она проявляла расчетливость, композитор Евгений Дога сумел передать через мелодию волшебного и удивительного

вальса ее внутренний мир, чем затронул души зрителей. Этот первый фильм и та мелодия для нее с Жайсаном как будто до сих пор являются лейтмотивом жизни. Музыка вальса Доги с тех пор всегда звучала в ее душе. Она и сама ее напевала. Интересно, почему они смотрели именно этот фильм, едва познакомившись? Даже если ее жизнь и не была такой несчастливой, как судьба героини, все же не суждено было Асем надолго связать свою судьбу с любимым Жайсаном.

Хоть и вышла замуж за парня старше на десять лет по огромной любви, Жайсан оставил ее из-за того, что у них не было детей — ни с того ни с сего собрал вещи и ушел к молодой дочери состоятельных родителей. За пять лет совместной жизни она угождала мужу, создавая ему все условия, единственной ее виной было — не родила ребенка. Жайсан сам рассказывал, как он уже раз разводился из-за бездетной жизни. Хоть это и был его второй брак, не пытался он провериться у врачей, узнать, не по его ли вине нет детей. Устав от невозможности появления детей, Асем сходила провериться, врач, ответив, что она здорова, посоветовала провериться мужу. Стоило только сказать об этом мужу, как он, не прожив с ней и полгода, стал чуждаться постели. Все чаще ночевал вне дома. Постоянно ходил, нахмурив брови, как у беркута, так они могли не разговаривать сутками. Взял привычку стелить себе рядом с кроватью одеяльце, чтобы сидя на нем смотреть телевизор. Утром, вставая с пола, оправдывался, что «оказывается, уснул». В конце концов набил чемодан вещами, остальное закидал в коробки, переехал, не соизволив даже сказать «до свидания»...

Позже узнала — ушел к молоденькой девушке, только что окончившей институт. Видимо, думал, если найдет моложе, то она ему родит ребенка. Лучший из парней Жайсан, за которого она вышла по огромной любви, оказался в жизни расчетливым, не выдерживающим трудностей человеком.

В одиночестве протекала ее жизнь, где ночь сменялась утром, утро ночью. Внутри все горело у нее, а душа плакала. Обливалась горячими слезами, уткнувшись в подушку. Настоящий парень, которого она полюбила всем сердцем, не стал спутником ее судьбы. В горячую пору молодости, разочаровавшись во всех мужчинах, временами выла, как волчица. Всю энергию и старание отдавала работе. Ее труд был оценен по достоинству, так как вскоре Асем неожиданно пригласили на работу в Министерство образования. Ее кандидатуру выдвинула подруга Даметкен.

Непосредственным начальником Асем оказался заместитель министра образования, который, оказывается, всегда читал ее статьи, высоко ценил способности автора. Как говорила ее бабушка, *хороших людей*

много, если их не станет, земля перевернется. Она была права, благодаря хорошим людям раскисшая от горечи ее душа вновь раскрылась, чему послужило причиной приглашение на работу не куда-нибудь, а в министерство. Делала все, чтобы оправдать доверие вице-министра.

Государственная служба оказалась куда более требовательней, чем труд журналиста, здесь надо было работать, не считаясь со временем, исполнять множество мелких поручений вплоть от «сходи» до «принеси». Одинокая женщина, не отвлекаясь ни на какие заботы, приходила рано, уходила поздно, научилась работать с бумагами, обращая внимание на каждую мелочь. Разбитое Жайсаном сердце лечила работой. Залечивая собственные раны подобно волчице, приходя домой, смотрела телевизор, пока не уснет. То прибирает дома, включив на всю громкость музыку, искусно готовит еду.

Не случайно сказано, что «любое дело оборачивается добром», работая здесь, она встретила отца своего будущего ребенка, любимого мужа Даира Каменовича...

Ей и во сне не могло привидеться, что мужчина средних лет, который время от времени приходил в министерство в составе группы специалистов, готовящих тот или иной законопроект, станет ее мужем на всю жизнь и отцом ее ребенка. По характеру он был сдержан, взгляд его спокоен, но его, ученого, высказывающего на заседаниях свое мнение четко и громким голосом, побаивались и сами эксперты. С ним, защитившим докторскую по юриспруденции, старались не спорить даже депутаты, составляющие законопроект совместно с министерством. Сложно представить, что бы было, если его предложения вдруг оказались бы представлены в искаженной форме в сопоставительной таблице в следующий раз. Прямо туда он вызывал составлявшего таблицу, сажал рядом, уставившись на него, заставлял исправлять ошибку. Некоторые эксперты пугались при одном его виде, когда он входил в здание с портфелем в руке. Они знали, что он брал домой проект, вычитывал его ночь напролет и нес его в толстом портфеле, из которого словно должен был теперь вылететь бес. Высказывая мнение, Даир Каменович упрямо отстаивал свою позицию не только перед председателем комитета, но и перед самим заместителем министра юстиции. В таком случае, кто были для него работники отделов, наверное, понятно?

О том, что такой крутой по натуре ученый холост, каким-то образом разузнала одна из женщин, работающая в отделе законодательства. *Интересно, почему же он холост? Сколько раз был женат? Есть ли дети? Откуда он родом?* Подобными вопросами задались многие одинокие женщины. Как говорится, мир слухами полнится, вскоре сарафанное радио принесло ответы. Дей-

ствительно, ученый на самом деле оказался холостым. Разведен. Детей не было. Он, полностью посвятивший себя науке, оказался родом из южного региона. На этом фоне появились те, кто шутя и смеясь, советовал одиноким женщинам не упустить ученого. Были и такие, кто питал надежды, размышляя так: «А почему бы и нет, захочет взять — говорить “отстань” не стану, интеллектуал, имеющий звание доктора». Асем также слышала, что преданный своему делу ученый был недоступен, не подпускал к себе женщин, порывавшихся быть с ним ближе в надежде на взаимность.

Как-то ей довелось быть на выездном заседании, в ходе которого Даир Каменович вместе с депутатами парламента обсуждали законопроект «Об образовании». Темой споров было положение современного учителя, его престиж и условия жизни.

«Одно время учитель был самым почитаемым человеком. С уважением и теплотой произносилось это дорогое слово. Оно являлось высоким званием, обладало глубоким смыслом. Общество очень нуждалось в учителе. Считалось, что ему доверено просветительство народа и нации, молодого поколения, пробуждение самосознания людей. Но сегодня ученики, получившие знания, хоть и управляют страной, позабыли, как поживают их вчерашние наставники, перестали думать о положении учителей, давших им образование...» — такими словами он начал обвинять чиновников.

«Давайте-ка осмыслим, взвесим на чаше весов слова Чехова, однажды сказанные Горькому. Если б вы знали, — говорил он, глубоко вздыхая, — как необходим русской деревне хороший, умный, образованный учитель! У нас в России его необходимо поставить в какие-то особенные условия, и это нужно сделать скорее, если мы понимаем, что без широкого образования народа государство развалится, как дом, сложенный из плохо обожженного кирпича! Учитель должен быть артист, художник, горячо влюбленный в свое дело, а у нас это чернорабочий, плохо образованный человек, который идет учить ребят в деревню с такой же охотой, с какой пошел бы в ссылку. Он голоден, забит, запуган возможностью потерять кусок хлеба. А нужно, чтобы он был первым человеком в деревне, чтобы мог ответить мужику на все его вопросы, чтобы мужики признавали в нем силу, достойную внимания и уважения, чтобы никто не смел орать на него, унижать его личность, как это делают у нас все: урядник, богатый лавочник, поп, становой, попечитель школы, старшина и тот чиновник...

Нелепо же платить гроши человеку, который призван воспитывать народ, — вы понимаете? — воспитывать народ! Нельзя же допускать, чтоб этот человек ходил в лохмотьях, дрожал от холода в сырых, дырявых школах, угорал, простужался, наживал себе к тридцати

годам туберкулез... ведь это же стыд и срам!» — так говорил писатель.

Об учителях говорил и наш великий национальный герой Бауржан Момышулы: «Быть учителем — великая честь. Потому что учитель воспитывает поколения. Учитель растит и будущего руководителя, и гения, и ученого, и трудолюбивого земледельца, и шахтера... Как мы чтим матерей, дающих жизнь новым поколениям, так же мы должны уважать учителей, воспитывающих эти поколения».

Учитель — это человек, который вкладывает после родителей в детей ум и знания, воспитывает в них доброту и скромность, национальное самосознание и достоинство.

Если так, то каково сегодняшнее положение учителя, который полностью отдается своему делу, восприимчив ко всему новому, пытается озарить души учеников светом и, счастливый от своих помыслов, стремится вести по дороге счастья и других?

Как говорил великий Абай, «учитель никогда не должен уставать учить детей», мы все признаем, что труд учителя достаточно уникальный, тяжелый, ответственный и творческий. И почему, признавая это, мы не создаем ему условия? Почему он за свой честный труд получает гроши? Почему подорван его авторитет, почему его жизнь стала зависеть от бизнесмена?» — так пространно рассуждал он. Аргументов, противоречащих словам ученого, в тот раз не нашлось, поэтому в законопроект о социальной политике страны включили его предложение об улучшении быта учителя.

Поскольку главным делом министерства была организация обучения, то авторитет Даира Каменовича поднялся очень высоко во время обсуждения закона «Об образовании», когда он горячо отстаивал интересы каждого учителя, говорил о его социальном положении. Теперь, если в «Акорде» или правительстве обсуждалась деятельность высших учебных заведений и положение учителей, то первым в министерский список всегда вносилось его имя — «Доктор Каменов Д. К.». Наверное, нет учебников, относящихся к сфере законодательства, которые бы не попали под его строгое перо. Авторы книг радовались, когда получали протокол за подписью доктора, расценивая это как знак успеха.

С именитым и авторитетным доктором Асем никто специально не знакомил. Подходила к нему, как обычно, когда надо было подписать бумаги, посоветоваться при составлении сопоставительной таблицы. Однажды он вызвал ее к себе, произнеся: «Жумашева!» Никогда не спрашивал ее имени. Не смотрел на нее, не отрывался от бумаг. Как ни придешь, сидит, водрузив большие очки на нос, наклонив крупную голову над бумагами и выставив напоказ начинающую лысеть макушку. Тако-

го, чтобы поддаться голову, обратил внимание на воедшего, но дождался. Видимо, он видел тех, кто стоял перед ним, лишь начиная с пояса или с ног. Все так же уткнувшись, пересматривал документы, важные для него вопросы задавал все еще уставившись в бумаги, и получал ответы в таком же положении. Если согласен, молча подпишет, выведя букву «К» вверх с каракулями, так же молча подвинет к тебе подписанное. Трудно сказать, слышит он или не слышит сказанное тобой слово «Рахмет!», потому что берет следующую бумагу, поправляя очки и проведя правой рукой по лицу, будто закрывая файл на компьютере, и продолжает дальше просматривать...

«Наверное, он меня не помнит и внешность моя ему незнакома», — подумала Асем, когда совершенно неожиданно встретилась с Даиром Каменовичем в гостях у дальних родственников. Доктор, не обращавший на нее внимание в министерстве, сказал: «Здравствуй, дорогая Асем!» Увидев девушку моложе себя на двенадцать лет, тепло поздоровался с ней как старый знакомый. Улыбнувшись, поздоровался за руку. Асем удивилась тому, что доктор Даир Каменович, перед которым робели все законодатели, оказывается, может шутить и смеяться. Почему-то вспомнила, как коллеги раздраженно отзывались о нем. А вспомнив, не смогла сдержаться от улыбки, и все так же улыбаясь, поздоровалась с ним. Ученому, наверное, понравилось то, что она поздоровалась с ним улыбчиво и открыто, потому что сел за столом прямо напротив нее. Доктор, дотянувшись до блюд, наполнил едой тарелку девушки, затем учтиво угостил ее фруктами, сладостями. Она про себя отметила, что одет он был с иголки. Карие глаза из-за больших очков смотрели на нее доброжелательно. Хозяйева и гости относились к Даиру Каменовичу с почтением, оказывая внимание и заботу.

Во время перерыва мужская половина начала горячо обсуждать вопросы политики, связанные с предстоящими президентскими выборами. Женщины устроились на мягком диване в гостиной и делились своими новостями. Асем помогала невестке, носила сладости для дастархана и расставляла пиалушки к чаепитию.

В тот вечер Даир Каменович попрощался, поцеловав руки Асем и невестке. Брат провел профессора до выхода на улицу. С того дня прошло совсем немного времени, как вдруг этот солидный человек сам явился к ней на работу. Она подумала, что ученый пришел по делу, а он, кто бы подумал, пригласил девушку в ресторан. Не ожидавшая ничего подобного от такого взрослого человека, она не знала, то ли согласиться, то ли отказать ему. Разговор этот происходил в холле. Она все озиравшись по сторонам, вдруг кто из отдела увидит их. Наконец, решив, что надо быстрее согласиться, пока никто

не увидел и не начал подслушивать, ответила: «Хорошо, агай! Пойду завтра после работы». Доктор проявил новаторственность, сунул ей в руку маленький листочек, на котором был выведен адрес. Асем дрожащими руками, стесняясь, еле взяла бумажку, скомкав ее в ладони. Придя в отдел, развернула записку, там было написано название ресторана Sity-STARs, улица и время встречи.

Как только Асем вспоминала о вечерней встрече с Даиром Каменовичем, то буквально сгорала от стыда, сердце начинало сильно биться, и так прошел весь рабочий день. Как ни стыдилась, но пойти на встречу придется. А пока же находила всякие предлоги, чтобы дождаться ухода домой подчиненных. Как бы неудобно себя она ни чувствовала, избежать свидания не получится. Причесалась, привела одежду в порядок, даже почистила внутри сумочки. И как представит, что взрослый человек ждет ее у ресторана, то сразу краснела. Подумав, что будет неудобно заставлять ждать, вышла на улицу. Как она и думала, Даир Каменович ходил туда-сюда перед рестораном. Пока Асем подошла, успел пройти в одну сторону три раза, в другую два раза. Увидев девушку, так обрадовался, что сразу направился к ней крупными шагами. Подойдя, хоть и виделись днем, снова любезно поздоровался за руку. Быстро произнес, что опасался, не передумала ли, и тут же добавил: «Так поздно выходите с работы?» Девушка молча улыбнулась, ничего не ответив. Лишь про себя подумала: «Сегодня-то как раз вышли рано...»

Так они, один из которых зрелый мужчина, прошедший через множество различных испытаний, постигший премудрости своей науки, но совершивший немало ошибок в школе жизни, вторая — молодая и хоть побывавшая замужем, но не до конца еще раскрывшаяся как женщина, долго говорили между собой, познакомились поближе. То ли от того, что Даир Каменович был преподавателем, он задавал много вопросов. Или, может, и вправду хотел больше узнать об Асем? И несмотря на сильное смущение и волнение, девушка старалась отвечать на все его вопросы.

Даиру Каменовичу очень понравились искренность и то, как она, не лукавя, ничего не скрывая, откровенно рассказывала о себе. И одежда ее выдает хороший вкус, умение выдержать стиль, сохранить скромность. Интересно, какой длины у нее волосы, которые она собрала в пучок на макушке. У женщин-коллег, что рядом с ним, его воспитанниц, женщин, которых он видит на различных встречах, на улице, волосы короткие, словно с намеком, что ум долог. На научных конференциях, на других мероприятиях редко увидишь женщин с собранными в пучок волосами на макушке. То ли это молодежный стиль — подрезать густые красивые волосы по пояс и носить их распустив. Такие женщины при встрече

че с ним только и знали, что не переставали приводить в порядок свою непослушную гриву.

Очарованный внешностью Асем, довольный ее умными ответами, собеседник смотрел на нее влюбленно из-под очков. Он внутренне, интуитивно почувствовал, что не ошибся в выборе девушки, с которой, держась за руку, прошел бы по жизни. Каких только трудностей он не пережил до нынешнего дня, испытал горечь одиночества, но вот именно сегодня перед ним появилась та, о которой он мечтал, не зная о ней долгие годы, душа его жаждала вот такую добрую, чистосердечную, близкую, как мать, женщину. Поэтому когда настал час расставаться, он с неохотой проводил свою дорогую избранницу, чей светлый образ увлек его, до дома.

Вскоре Даир Каменович снова пригласил девушку в ресторан City-STARs и поставил вопрос ребром:

— Асем, дорогая, я немолод, чтобы проходить конфетно-буquetный период, для тебя же, если не будешь думать о будущем сейчас, тоже может быть поздно. Я пришел к тебе, испытывая большое чувство. Мы оба одиноки. Не будем зря тянуть время, давай жить вместе под одной крышей. Я буду стараться сделать тебя счастливой. Я думаю, ты со временем примешь меня как мужчину, на которого можно положиться, любимого мужа. Если не отвергнешь мои намерения, то приду с родственниками сватать тебя, — произнес он, все решив сам.

Асем не ожидала такого скорого, ответственного предложения, которое касалось ее судьбы. Сердце ее подкатило к горлу, она горела вся от смущения, не находила нужных слов, у нее перехватило дыхание. Нет, не могла она отказать взрослому человеку. Уже побывала замужем, знала жизнь, поэтому не могла скромничать, как девушка. Если сегодня не проявит отзывчивость, почувствовала она, то этот взрослый человек больше не решится настаивать. Правда и то, что она видела его самым близким, мягкосердечным человеком среди других мужчин. Только она не смогла сразу осознать, а сможет ли доверить ему свою судьбу, принять его как мужа. Даже толком и за руку не держались, как завтра будут делить одну постель. Не скажешь, что он некрасив до такой степени, что девушки, как говорится, пугаются, разве только одевается мешковато. Высокого роста, волосы хоть и редкие, но не лысый, глаза большие, светло-карие. Кажется, в ее душе закралось уважение к этому человеку, чем-то напоминающему медведя в очках. И это согрело ее внутри, разволновало сердце и заставило сказать «дайте время подумать».

После того, как Даир Каменович проводил Асем домой, для него уже не существовало лучшего ресторана, чем City-STARs, который дал старт его счастливому пути. И потом Каменовы традиционно проводили все семейные мероприятия в нем.

Как говаривала бабушка Даира Каменовича, уже пятое поколение в их роду мало рождается мальчиков. Вероятней всего, во времена жестоких набегов и битв, одна из матерей, потерявшая единственного сына, прокляла наших дальних предков, допустивших насилие, словами «пусть не продолжится твой род». И правда, то ли проклятие это действовало или так было написано на роду, их род продолжался с трудом, в каждой семье был один-единственный мужчина. Не зря говорили наши предки: «Любая женщина рождает сыновей, главное — чтобы они выжили». По словам его отца, в далеком и в недавнем прошлом женщины в их роду рожали по пятнадцать детей, и из них семеро-восемь были мальчиками. Из-за постоянных сражений, тяжб за землю, а также вследствие вражеского нашествия с востока умирали те, кто садился на коня для отражения нападения. Детей еще косили всякие болезни, но благодаря милости Аллаха всегда выживал один последователь рода, не угасал огонь в домах потомков. Видимо, это имел в виду поэт Магжан, говоря: «Если Богу угодно, не потухнет лучина, долго будет гореть...»

Когда закончилось время нашествий и войн, думали, что наконец-то укрепилась страна, можно жить, но пришел голод, который выкосил многих. Рассказывают, что наиболее крепкие старухи сажали единственного маленького сына на спину, взяв за руки двух дочерей, странствовали и сохранили свой род. На былую Великую Отечественную войну отправились из этого рода пятеро, живым вернулся только его отец Камен. В четырех семьях остались вдовами четыре женщины, потух их семейный очаг. Двое из них были молодыми снохами, только перешагнувшими порог чужого дома... Потомки дяди Самета умерли на тыловых работах, так и не успев жениться. Сын Амета, вернувшись с войны, ушел в армию и попал под гусеничный трактор, привезли лишь останки. Да, выходцы этого рода повидали очень и очень многое...

Супруга Самета Жаныл, выдав замуж трех дочерей, жила одна, до конца жизни сохранив верность мужу. Две невестки, не испытавшие радости супружеской жизни, соединили свои судьбы с вернувшимися с войны мужчинами. Тундики двух шаньраков навечно закрылись, погасли очаги двух семей...

Даир Каменович помнит, как его бабушка Акбикеш 9 мая спозаранку исполняла жоктау, говоря: «Неужели я должна праздновать эту победу в войне, которая стугнула четверых моих сыновей».

*Начну с благодарения Всевышнего,
Не нарушая шариата.*

*Душа полна печали горькой,
Поплачу я немного, слезам дав волю, —*

так она начинала, упоминая в песне имена сыновей, а завершала словами:

*Назову вас ягнятами, прыгающими по горкам,
Назову глаза родником, не иссякающим от слез.
Вспоминаю вас, четыре моих жеребенка,
Плачу, тоскуя по вашим следам, —*

и горьким плачем будила всех домашних.

Никогда не заживут раны, нанесенные человеческому роду жестокой войной, ставшей для людей тяжелым испытанием. А сколько полегло воинов, чьи останки находятся на чужбине. У одних с кровавых полей сражений не вернулся домой сын, у кого-то — дядя, у третьего — младший брат. Не осталось в ауле семьи, не лишившейся родных. В те годы, когда отмечали праздник Победы, было много матерей и вдов, которые, как и его бабушка, исполняли жоктау, плакали по погибшим в войне. Тогда не праздновали так, как это делается ныне. Каждая женщина добавляла в исполняемую ею песню свою печаль и горесть, тоску и сокровенные желания. Как и все мальчишки из послевоенного поколения, Даир, слушая в детстве эти горестные напевы, стал воспринимать 9 мая не как День Победы, а как день поминовения и плача по погибшим на фронтах отцов и братьев. Он словно до сих пор слышит печальные песни тех лет в исполнении женщин:

*Тяжело для рук ружье,
Нелегко держать его.
Тяжело терять родную душу,
Сердце боль сжигает...
Жизнь сына дорогого на фронте,
Всевышнему доверила, —*

так пели они.

Он помнит также, как, спев печальную поминальную песню, они горько рыдали, сердца их были переполнены тоской.

Камен, отец Даира, вернулся с фронта через полгода после Победы. Дедушка, получив похоронки на двоих сыновей в первый год войны, был сломлен горем, его старая болезнь вспалилась заново, и вскоре он ушел из жизни. Говорят, бабушка Акбике, получив на четверых сыновей похоронки, все время рыдала, не находила себе место, а когда увидела живого и невредимого Камена, то, не поверив своим глазам, упала в обморок. Видя, как мужчины возвращались с фронта инвалидами, без ноги, руки, с контузией головы, она молила: «Пусть даже у

моего Какитая не будет рук и ног, лишь бы его увидеть, глаза его бы увидеть. Голос бы услышать!», и, о счастье, желание матери исполнилось, младшенький вернулся. Руки-ноги целы, голова на месте, жесткие черные волосы зачесаны назад, уходил худеньким, за пять прошедших лет стал здоровенным джигитом. Бедная женщина, увидев вернувшегося сына, заглядывая ему в глаза, не могла поверить сама себе, оттого бедная мать и упала в обморок.

— Эй, Акбике, чего ты, вместо того чтобы радоваться!

На эти слова своячениц, брызгавших ей в лицо водой, чтобы привести в чувство, она лишь произнесла: «Слава богу, слава богу!» Зарезали овцу, которую держали с тех пор, как десять месяцев назад пришла долгожданная весть: «Конец войне! Мы победили!», и устроили той.

Не откладывая надолго, женила сына на Сыргалы, ее она приглядела давно среди своей родни, решив: «Если Какитай вернется, засватаю». На следующий год в День Победы родился Даир. Внуку, занявшему место четырех сыновей, павших на фронте, дали имя святого предка Даира.

С этого момента он попал под опеку бабушки, называл родителей «дядей и тетей», верховодил над младшими братишками и сестренками, вырос баловнем, бабушкиным сыном. Школу окончил на отлично. Хотел ехать учиться в Алматы, но бабушка упрямо заявила: «Пока не женишься, никуда не пушу. Сначала похорони меня!» У отца не было сил воспротивиться белолицей бабушке, да и мать, занятая домашними делами, не нашла бы сил сказать что-либо против свекрови.

Сына, который собирался в Алматы, чтобы поступить в педагогический институт, отец, после сдачи последнего экзамена вызвал на разговор наедине. Беседу он начал издалека, остановился на предании, гласившем, что во времена набегов врагов мать, потерявшая единственного сына, прокляла их воинов-прадедов, говорил он и о том, что бабушка провела свою молодость в рыданиях по четырем сыновьям, погибшим в кровопролитной бойне, теперь единственной ее радостью были Камен и Даир, в конце, поведав сыну обо всем, он расчувствовался. Он также объяснил ему, что пока бабушка жива, Даир не сможет поехать в Алматы. Если жаждет учиться, единственный выход — привести невесту, жениться и только потом поступать на учебу. Да и то только на заочное обучение. Если поступит, то замечательно, он, ветеран войны, найдет ему место в здешней школе.

— Кто-нибудь тебе нравится в нашем ауле? — спросил его отец.

Даир, который всей душой стремился попасть в Алматы, еще не останавливал свой выбор ни на одной

девушке. Правда, ему нравилась одна девушка по имени Ардак, но она училась на класс ниже, чтобы ее не сватать, пришлось бы ждать еще год. В тот момент ему было некого назвать в ответ на вопрос отца.

— Дядя, я осмотрюсь два-три дня, но после женитьбы вы не запретите мне ехать в Алматы? — спросил сын, с сомнением поглядев на отца.

— Да нет же! Видеть тебя учителем — наша мечта. Сам не смог выучиться из-за войны, мать тоже неграмотная. Видеть тебя с высоко поднятой головой, слушать твои речи перед людьми — счастье наше. И бабушка будет гордиться, говорить: «Мое дитя — грамотный человек, будет райкомом». Только услышав эти отцовские слова, Даир успокоился, его сомнения рассеялись.

В ту весну выпускники стали чаще приглашать друг друга в гости, организовывать посиделки. С появлением на небе звезд молодежь выходит на улицу. Запах цветущей джиды обволакивает ночной аул, бодрит молодых, вышедших на прогулку. Многие парами, взявшись за руки, уходят в свете лунного неба за холмы.

Даир, который до сих пор неотрывно проводил время за чтением, став джигитом, начал чаще выходить вечерами на улицу, заглядываясь на девушек. Но не забывал и о мужском обещании отцу. Где-то в глубине сердца было чувство к Ардак, и он пригласил ее в кино, прикинув про себя: *если согласится — украду*. Оказывается, и Ардак, как и Даир, хотела поступить Алматинский мединститут. Раньше она казалась ему стеснительной, но это было не так. «Все равно достигну цели, получу аттестат и уеду в Алматы», — твердила она без конца. Он понял, что она не будет хорошей снохой для бабушки. Так парень постепенно охладел к Ардак.

Однажды к его другу Асану приехала сватья, окончившая медицинское училище. Звали ее Нурлыгаим. Смугленькая, но хорошенькая. Оказалась сестренкой невестки Асана, носится по дому, проворно накрывая на стол. Как говорит бабушка, шустренькая. «Пусть жена будет шустрой, тогда будет помогать, трудиться. С умом будет тратить твой заработок и за детьми будет сама смотреть. Ты будешь служить в райкоме. А если будет слабохарактерная, то окажется неряшлива, дети будут неухоженные, люди станут обходить твой дом стороной», — вливала она ему в уши. В тот же вечер Даир поближе познакомился с Нурлыгаим, которая сразу ему понравилась. Она после окончания курсов медсестер ждала вручения диплома. Единственный недостаток приятной и веселой девушки заключался в том, что она была на год старше парня. «Что тут такого, она нежная, что делает ее его ровесницей, да и мы никому не скажем, что она старше. Когда приедет с дипломом, отец устроит ее в нашем медпункте. Сноха-доктор будет следить за здоровьем бабушки», — мечтал Даир и, все чаще

приглашая девушку на танец, уравнивался с ней. Видимо, девушка тоже понравилась уравнишенный парень крупного телосложения, более рослый по сравнению с одноклассниками. Когда играли в игру «Брось платок», не препятствовала с платком. Так неожиданно между ними установилась безмолвная душевная связь...

Видимо, Даиру так было предназначено судьбой, что он старался изо всех сил, планируя во что бы то ни стало оставить Нурлыгаим в ауле. Спросил у Асана о времени отъезда сватьи. Узнав, что она приехала на неделю, вывел друга на улицу и выложил задуманное. «Твоя сватья мне сильно понравилась, хочу жениться на ней, затем поехать в Алматы и поступить заочно на учебу», — выпалил он. Простодушный друг сразу согласился с ним: «Укради, я ее выведу!»

На следующий день за утренним чаем Даир сообщил новость домашним: «Приведу сноху бабушке!» Отец, который недавно уговаривал жениться, удивился:

— Как, так сразу?

Даир растерялся.

— Вы же настаиваете на женитьбе, — пробормотал он уже без недавнего порыва.

— Что ты говоришь, Какитай? То, что просили у небес, Аллах дарует на земле, о чем ты. Пусть женится! Ну, с кем будем сватами? — Бабушка повернулась к внуку, по привычке освобождая ухо от платка, чтобы услышать важное сообщение. Даир, не ожидавший такого вопроса, сам спохватился: «Ой, с кем же будем сватами?», действительно, он и не подумал о сватовстве. Даже не спросил у девушки: «Откуда? Кто родители? Из какого жуза, из какого рода?» Единственно, что он знал — она сестра невестки друга Асана, зовут Нурлыгаим. Рассказал все, что знал. Особенно домашним понравилось, что она закончила учебу и будет медсестрой.

Бабушка была довольна: «Думала, когда Даиржан будет учиться на учителя, хоть бы привез сноху-доктора, вы только посмотрите, словно Всевышний услышал мои желания!» Отец, замолчавший было после замечания матери, через некоторое время вымолвил, напуская на себя важность: «Когда знакомился с девушкой, наверное, спросил, из какого она рода. А если окажется, что одного с нами рода, тогда брак не допускается».

«Если она приходится сестрой невестке Асана, то и нам она сватья, тогда, очевидно, что не допустят брак, уважаемый хозяин дома», — еле слышно, повернувшись к отцу, произнесла мать, делясь своими мыслями. Старуха, заметив, как сноха перешла черту дозволенного — не обращаться, глядя прямо в лицо, к мужу при свекрови, поняла, что она поступила так, защищая сына, поэтому не оборвала ее, и еще она была довольна темой разговора. Вечером, наедине, мать, взглянув на него,

улыбаться, с тихой материнской любовью, чтобы рассеять сомнения, спросила: «Сын бабушки, коль девушка закончила учебу, то не старше ли она тебя?» Потому как Даир считался сыном бабушки, мать не могла даже погладить его по голове, в семье строго придерживались древних правил поведения, свойственных казахской снохе.

— Тетя, оказывается, на медсестру поступают после восьмого класса. Она старше меня всего на один год. Она такая изящная, что не заметно, что она старше.

Больше не расспрашивая о девушке, понравившейся сыну, она, воспользовавшись тем, что пока оставались наедине, погладила его по волосам и сказала: «Приведи, пусть бабушка обрадуется. Будьте счастливы!»

В воскресенье Даир вместе с двумя друзьями, подъехав к остановке, где девушка ждала машину, сослался на Асана, ждущего ее в «москвиче», и посадив таким образом желанную в автомобиль, рванул в аул маминной родни...

Так Даир Каменович впервые стал мужем.

Только-только испытал сладость жизни с юной женой, он вновь потерял покой и сон из-за желания поступить на учебу. Утешая себя тем, что исполнил просьбу бабушки, привел сноху-доктора, отправился в Алматы...

В тот же год сразу поступил на исторический факультет Казахского педагогического института. Первоначально он думал: «Сначала попробую сдать на очное отделение, если не поступлю, то сдам осенью на заочное», но ему повезло. Хотя бедный парень даже не мог порадоваться своей первой удаче, думая об отце: «Наверное, дядя обидится, не сдержал, мол, обещания, собирался же учиться заочно и работать учителем». Чувствуя за собой вину, не зная, как сообщить домашним, всю ночь провел без сна. Потом решил: «Нет, так не пойдет, все равно придется сказать, поеду сообщить, посоветуюсь, что делать дальше». С такими мыслями парень рано утром сел в троллейбус, идущий на автовокзал.

Нурлыгаим оказалось снохой, о какой мечтала старая женщина. Она все делала так, чтобы свекровь и свекор не почувствовали отсутствия сына. Благодаря ей Даир учился спокойно и хорошо, получал Ленинскую стипендию и в конце концов окончил институт с красным дипломом. Заметив способности студента-отличника Каменова, единственное направление в аспирантуру его наставники, не задумываясь, вручили ему. Родители особо не переживали, что сыну придется продолжить учебу. Потому что подрастали братья-сестры. Рассчитывали, что он присмотрит за ними в Алматы. Единственное, что беспокоило бабушку и родителей, то, что Нурлыгаим все еще была одна. Уже пять лет замужем, но не могла забеременеть. Хоть никто вслух не

высказывался, но все в душе переживали. Лишь мать аккуратно обратилась к Даиру: «Вы живете в разных местах, может, причина в этом, возможно, забереешь Нурлыгаим с собой в город?» Бабушка состарилась и больше времени проводила в постели. Она все больше задумывалась об отправлении в иной мир и все меньше ее интересовали дела земные. Домашние посоветовались и решили отправить жить сноху в малосемейное общежитие, выделенное Даиру от аспирантуры.

Пролетели три-четыре года, Даир успел окончить аспирантуру и защитить кандидатскую диссертацию. Но у Нурлыгаим не было никаких изменений. Сходит в больницу на работу, а затем все оставшееся свободное время тратит на создание условий для мужа. У них даже не осталось общих тем для разговора. Даир не поднимал головы от книг, много времени, почти до полуночи проводил в центральной библиотеке. В выходные Нурлыгаим ездила в аул. Любимая бабушка, мечтавшая увидеть правнука, ласкать его, ушла из жизни...

После того как Даир защитил научную работу, его оставили в институте, который он в свое время окончил. Не сворачивая с этого направления, продолжив научный путь, он поступил в докторантуру. Сколько раз Нурлыгаим, втайне от Даира, проверялась у врачей, они всегда обнадеживали, но результата не было. Считая это своим недостатком, что не может родить, она решила дать мужу свободу... Иначе, в погоне за наукой, муж и не думает о том, что *нужен ребенок, нужно продолжить род*. У младшего брата Дархана было уже трое детей. Когда наступило десять лет их совместной жизни, Нурлыгаим решила на разговор:

— Даир, наверное, пришло время нам расстаться. Не буду мешать твоему счастью, отпусти меня. Ты мужчина, тебе нужно потомство, женись на молодой.

— Я разве упрекал тебя, что ты не можешь родить детей? — буркнул он.

— Даже если и не говорил, какой мужчина не мечтает о ребенке, о продолжении рода. Мы женились в восемнадцать лет, уже недалеко и до тридцатилетнего возраста. Если не считать радующую нас твою научную защиту, наша жизнь течет бессмысленно. Я на тебя не в обиде. Завтра уезжаю домой, может, и вернусь, но не обижайся, если не вернусь, найди свое счастье... — она одним махом решила проблему.

Даир не спал всю ночь. Наверное, и Нурлыгаим не спала. Но отвернувшись, тихо лежала. Даир понял, что в научных поисках, пропадая в библиотеке, не уделял внимания семье, относился к жене больше как единственный сын к матери, стал для нее на самом деле обзубой. Каждый раз, когда он это чувствовал, то страдал от стыда, даже обнять жену, поцеловать, приласкать, поднять ей настроение не хватало совести. Сам себя

ужетал: «Ну что ж, пусть съездит в аул. Успокойся. Может, родители заставят передумать, отправят назад. По приезде оба пойдем к врачу или знахарю». Потом вспомнил, что подошло время защиты докторской. Затем, думая о незаконченных бумажных делах, уснул...

Нурлыгаим так и не вернулась...

Пока Даир думал, что привезет жену как только закончит защиту, сменилось три-четыре сезона. В суматохе и треволнениях он защитил докторскую диссертацию. На защиту из аула приехала мама. После смерти отца опорой рода стала Сыргалы, но и она уже выглядела обессиленной, а ведь в свое время была красавицей, прозванной Кулюмкоз, буквально *Улыбчивые глаза*, которые уже потеряли прежний блеск и потускнели. То, что *Бабушкин сын*, как она называла уважительно своего первенца, столько сделал для науки, и то, как маститые ученые высказывали похвальные мнения в его адрес, укрепило ее душу. После традиционного обмывания защиты домой с сыном приехали на такси. «У бедного сына даже нет жены, чтобы сопровождать», — думая об этом, расстроилась она, вспомнила сноху Нурлыгаим. Зайдя в дом, она огорчилась, увидев незаправленную постель, грязную посуду, неухоженную одежду сына, которая висела кругом, на спинках стульев. Грязные оконные шторы, оторвавшись от петель, висели как попало. По пыльному полу спальни было ясно, что туда давно не входили. Было видно, что Даир занимался бумагами за столом посередине зала и ложился спать тут же на диване. В одном углу стола стояла печатная машинка «Ятрань». Рядом — настольная лампа. А под ней толстая папка, открытая посередине, и ручка, лежащая на ней. Это было похоже на рабочее место Даира. Глядя на чайник и грязную пиалу и тарелку, подумала: и ел здесь же. Приговаривая: «Вот что значит дом без хозяйки!», Сыргалы привела комнату сына в порядок.

— Бабушкин сын, если ты закончил с бумагами, давай съездим вдвоем за Нурлыгаим, — сказала она сыну.

Эта идея понравилась Даиру. Как раз он тоже думал о том, как вернуть Нурлыгаим. Отправил телеграмму, звал на переговорный пункт, но та не ответила. Так и не понял, почему жена отвернулась от него. Никогда не ругались. Единственной виной, наверное, было то, что он из-за науки мало уделял ей внимания. Потому как не было у них детей, чтобы отвлекся, бедная женщина страдала, испытывала мучения от одиночества. Муж не догадался повезти ее к врачу или к знахарке. Не поднимал головы от бумаг и печатной машинки. Даже место сна переехало к письменному столу вместе с подушкой и одеялом. Сколько рассветов встречала одна...

— Хорошо, тетя. Когда поедем? У меня есть свободных два-три дня, — сказал непутевый сын.

— Дорогой мой, вечно у тебя нет времени, нельзя что ли найти для себя неделю? Разве, съездив к сватам, получив их согласие, не поедете домой и не побудете два-три дня? Отметим с братьями то, что ты стал большим доктором. — Она дала понять, что его защита докторской большая радость и честь для них.

К сожалению, мать и Даир не достигли цели. Сваты были сильно обижены на зятя. Братья прямо сказали: «Даже потерявшийся скот ищут. Полгода прошло с тех пор, как ушла жена, а ты ни раз не приезжал за ней». Теща сердито сказала: «Женился на восемнадцатилетней, за десять лет не показал ни одному врачу. Ведь ребенок и тебе нужен. Почему бы вместе не провериться».

А Нурлыгаим вообще была категорична: «Раз ушла, больше не смогу вернуться. Желаю тебе счастья!» Как ни старался муж говорить тепло и душевно, она не оттаяла, не последовала за мужем и свекровью, осталась дома. Приехавшие с надеждой на удачу новоиспеченный доктор наук Каменов и его мать уезжали ни с чем и униженные...

Как после такого случая думать о тое? У матери и сына дороги разошлись — он уехал в город, она отправилась в аул...

После этого он не видел Нурлыгаим...

Это потом до него дошел слух, что жена вышла замуж за вдовца и родила троих сыновей. Об этом мать с удивлением рассказывала Даиру: «Не зря говорят, что женщина имеет сорок душ». Когда Даир узнал, что жена родила, им овладело опасение «Может, это я бесплоден?!»

Сколько он может ходить бобылем, поэтому начал обращать внимание на окружающих его женщин. Некоторых приводил домой, но ни с кем из них не нашел общий язык. Но не зря говорят: тот, кто ищет, — всегда найдет. Так он встретил Зейнеп. Разведенная, ребенок жил в другом городе с ее мамой. Она была привлекательная, белолицая молодая женщина, они сразу нашли общий язык и стали жить вместе. Однако месяца через два-три его чувства остыли, они подходили друг другу в постели, но не было душевной связи. Зейнеп не умела ухаживать за мужем, не справлялась с семейными делами. Только собой и занималась. Особенно Даиру не нравилось, как она красила веки в синий цвет, а губы — в алый. Попробовал вежливо намекнуть, модница и ухом не повела. Стал стесняться выходить с ней на улицу, водить в гости. Еще один недостаток у Зейнеп — она увлекалась спиртным. После двух-трех месяцев совместной жизни стала приводить домой подружек, которые ели картошку, поджаренную на свином сале, поставив посреди стола огромную бутылку «Портвейна», шумя и веселясь. Иногда опьяневшие женщины затягивали песни. Вырешему в чистоте бабушкиного дома, затем

видевшему чистоту, которую наводила врач Нурлыгам последние десять лет, Даиру не понравился стиль жизни Зейнеп. Но, продолжая такую жизнь, она однажды выпалила, что беременна. Считавший себя бесплодным, он новости этой обрадовался так, что прощал ее непристойное поведение. Попытался предупредить только, чтобы *не пила больше, ибо ребенок может пострадать*. Правда, при муже Зейнеп теперь не пила, но украдкой выпивала с подружками, а зимой она поскользнулась на ступеньках и у нее случился выкидыш. Когда Даир спросил у врача о том, из-за чего случился выкидыш, врач наедине поведала, не скрывая, что *жена напилась и упала*. Он так охладел к Зейнеп после того случая, что начал искать повод не впускать ее в дом. Сказав, что уехал в командировку, закрыл дом, но Зейнеп выломала дверь и продолжала веселиться с подругами. Опьяневшие, они не обращали внимания на то, как он их выгонял. Он сам сбежал из собственного дома. Слава богу, у него с Зейнеп не было официально оформленного брака. И это спасло его. Вызвал милицию, заставил собрать вещи и, можно сказать, чуть ли не силком выгнал ее.

После Зейнеп Даир разочаровался во всех женщинах и предпочел жить в одиночестве. Сколько раз друзья, коллеги, родные знакомили его с девушками, одинокими женщинами, даже с порядочными вдовами. Ни одна из них не понравилась ему. Никому он больше не доверял. Пришел к выводу: «Не женюсь, пока сам не полюблю!» Долгие годы одиночество было его спутником, все силы он тратил на работу и науку.

Во время отпусков путешествовал по странам, старался познать мир. Даже не заметил, как ему перевалило за сорок. «Одиночество свойственно только Богу, бабушкин сын», — говорила мать каждый раз, провожая его со слезами на глазах. Да и ему самому было тяжело от одиночества, хотя вроде было все — есть крыша над головой, известность, в деньгах не нуждается, а душа оставалась печальной, настроение — часто угнетенным. Его ровесники уже начали женить старших детей. Когда получал приглашение на их свадьбу, терялся, стыдился. Чувствовал себя отверженным, никому не нужным. Один друг-шутник говорил, *если Аллах решит что-то дать, то он даст и через форточку*. Сбылись слова приятеля: Всевышний внезапно помог ему встретиться с Асем. Увидел в министерстве, принимая участие в подготовке законопроекта об образовании. Когда он увидел в первый раз эту черноглазую девушку с лучистым взглядом, открытым лбом, он не смог избавиться от ощущения, что где-то раньше ее встречал. Во время бесед по работе она была так близка его душе, что в его сердце вселилась радость. Хотелось всегда ее видеть. Ради этого он ходил в министерство под самым незначительным предлогом. Даже если не было там никаких дел, ходил по холлу эта-

жа, где находилась ее кабинет. Встречу с составителями проекта закона назначал на том же этаже. Сидя в холле, видел ее, пробегающую туда-сюда. Не хватало смелости подойти к ней, глядел на нее издали и при случае здоровался, кивнув головой, восхищаясь ее стройной фигурой и неповторимой походкой.

По-особому переступая ногами, прямо держа свою красивую шею, она шла всегда вся нежная, словно лебедушка. И одевалась она по-особенному. А как она собирает на затылке густые иссиня черные волосы! Во время разговоров заметил — она очень деликатна, обладает высокой культурой общения. Осторожно расспрашивая, узнал, что она не замужем. У ученого после этого пропал сон. Пока он ломал голову, как бы ближе познакомиться, как сделать признание ей в своих чувствах, случайно встретил Асем у ее брата.

От радости он и сам не заметил, как воскликнул: «Асем, дорогая, здравствуй!»

5

Асем, наверное, никогда не забудет счастливое выражение лица профессора Даира Каменовича, когда она согласилась выйти за него замуж. Взрослый человек так обрадовался, что, не решаясь обнять и поцеловать в щеку, начал осыпать поцелуями ее руки. Свет его радостных глаз через линзы очков взволновал и вызвал душевный трепет у Асем. В гардеробной ресторана, помогая девушке снять верхнюю одежду, не зная, куда ее девать, растерялся, стоял, прижимая к себе ее легкое пальто. Асем, конечно, заметила этот волнующий момент, но не подала виду. В глубине сердца у нее появилась надежда, что этот мужчина будет ее лелеять, если он проявляет заботу не только о ней, но и об одежде с ее плеча. И эта надежда в скором времени заставила Асем перешагнуть порог квартиры Даира Каменовича, которая давно пришла в запустение без женских рук...

Нет рядом свекрови, чтобы подсказать, как быть, нет свояченицы, чтобы посоветоваться, поэтому легко ли женщине, привыкшей жить свободно, без семьи, стать женой такого крупного ученого в возрасте, когда тебе уже за тридцать?! Не с кем посекретничать, многие подруги развелись, большинство из них не выходили замуж, сидят в отчем доме. И на работе нет взрослой женщины, чтобы поделиться мыслями. Все почти мужчины и молодые женщины. Они сами жалуются, что из-за работы не могут уделять должного внимания своим семьям. Говорят: «Мы же телефонные мамы». И на самом деле, каждая из них разговаривает с детьми по телефону: «Проснулся?», «Покушал?», «Учи уроки!», «На улицу выходи только на полчаса, не пропадай!», «Осторожно на светофоре!»

Заметив, что Асем старается стать хорошей женой, учитель по натуре, Даир Каменович, бывало, читал семейные лекции. Что ни говори, супруге, которая младше его на двенадцать лет, он чувствовал в глубине души, что его советы, разговоры по душам не навредят, а помогут направить жизнь в верное русло.

«Любовь бывает трех видов. Первая — *эгоистичная* любовь. Как видно из названия, это любовь только к себе, к близким родственникам. Она — как лампа, свет падает только на рядом находящихся. Вторая — *взаимная* любовь. Это любовь, когда — ты мне, я тебе. Она как Луна. Ночью есть, а днем нет. Если только будет внимание с твоей стороны, она отзовется. Все просчитано. Третья — *совместная* любовь. Она как Солнце. Светом озаряет всех на земле, делится добротой со всеми. Если под силу, что может быть больше, чем быть охваченным совместной любовью и делиться с людьми своей добротой», — говаривал он. Отсюда человек понимает пути достижения духовной высоты. «Дорогая моя, если в жизни быть *правдолюбивым*, озарять *искренней любовью* окружающих, все будут уважать тебя, с любовью ответят на любовь. Если *правильно совершать действия*, безошибочно достигнешь цели, добьешься всего задуманного. Никогда не нужно *наносить обиду*. Она может обернуться злом в два-три раза сильнее, закончиться плохо. Если правильно придерживаться этих четырех направлений — познаешь счастье, обрешь душевный покой. Человечество веками искало именно это — душевный покой и внутреннее терпение», — взяв Асем за руку, он с упоением говорил с ней по душам в качестве и учителя, и брата, и мужа. Положив голову на плечо мужа, чувствуя тепло его души, особую заботу, безмолвную любовь, Асем не только слушала, но и впитывала в сердце все сказанное им.

«Существуют семь правил соблюдения чистоты для человечества, — рассказывает Даир Каменович Асем голосом, обучающим студентов. — Первое — чистота рук. Это значит, не вредить никому, не воровать чужое. Второе — чистота ушей. Нужно уклоняться от сплетен, намеков, не слушать ложь, не слушать трусливых, вспыльчивых и слабовольных людей. Пустая болтовня занимает золотое время. Третье — чистота глаз. Нужно беречь глаза от зависти, мести, ревности. Будет правильно, если наши глаза будут видеть красоту и добро. Четвертое — чистота языка. Разумно будет сохранить язык, не произнося плохих, нецензурных, пустых слов. Молчание — золото. Из этих красивых уст хорошо бы слышать сладкие и красивые слова, — по привычке лаская, касался он пальцем ее губ. Пятое — чистота тела и одежды. Сюда относится и вопрос гигиены. Ты и сама знаешь, это значит содержать в чистоте тело и одежду. Шестое чудо — чистота мысли. Это — избавлять мысли

от всего плохого. Всегда призывать мысли позитивно. Вся беда начинается с переживаний. Поэтому, по возможности, нужно думать о хорошем. А последнее, седьмое — чистота души и сердца. Нужно выше ставить духовные ценности. Честная любовь — это когда кого-то любишь, ничего не требуя взамен. Любовь и любовное отношение — настоящее счастье. Если будем соблюдать эти семь правил, мы будем счастливы». Затем спрашивает: «Ты хочешь быть счастливой?» Жена молча кивает, глаза светятся. «Я тоже хочу быть счастливым, но только с тобой», — сказав так, он обнимает и целует ее в лоб.

Разочаровавшуюся в таком красивом и горячем парне, как Жайсан, чурающуюся всех мужчин Асем Даир Каменович окружил добротой и любовью.

Раньше чувства женщины, ее жизнь казались ему непонятными и даже пугающими. Нурлыгаим, выйдя за него замуж, прожила с ним более десяти лет, но поскольку муж вечно находился в научных поисках, поездках, не находил на нее времени, она не пережила ни наслаждения в постели, ни удовлетворения чувств. Бедную девушку сначала он заставил ухаживать за бабушкой, затем привез в город, как будто сторожить дом, — как вспомнит, так мучает совесть. Нурлыгаим своим терпением, свойственным казашке, когда ради семьи, что называется, и в огонь, и в воду, до ухода не говорила ничего. Даже не обвиняла его жесткими словами, не ругала. Всю вину взвалила на себя бесплодную и ушла. «Была беззащитной, бедная Нурлыгаим!» — иногда вспоминал Даир. Как говорила бабушка, «Аллах щедр, закроет одну дверь, откроет другую. Женщина имеет сорок жизней...». Хоть Нурлыгаим и развелась с Даиром, за которого вышла замуж в восемнадцать лет, она нашла счастье с другим мужчиной, родила детей, стала хозяйкой большой семьи. «Ладно, пусть будет счастлива! Что я смог дать хорошего бедняжке, доверившей мне свою молодую жизнь. Пять лет ухаживала за бабушкой, была одинока на супружеском ложе в большом доме». Затем, когда он в научных поисках ездил повсюду, сторожила их дом. Когда возвращался с дороги, его ждала горячая, вкусная еда, выезжал — чистая, выглаженная одежда всегда была наготове. Как женщина она не просила ничего. «Видимо, за эти страдания Аллах наградил ее счастьем, родила она троих сыновей. Пусть будет счастлива!» — говоря так, он желал ей только всего хорошего. Со временем стали забываться даже черты ее лица. После Нурлыгаим знакомился с женщинами, но душа не желала их. А как вспомнит годы, прожитые с Зейнеп, волосы становятся дыбом. «Как только я, потеряв самообладание, оказался в постели с женщиной, павшей так низко, употребляющей спиртное, курящей?» — вспоминал он, сгорая от стыда.

«Как я раньше жил без Асем?» — думал он иногда, все крепче любя ее. Даир Каменович понял, что на этот раз он не ошибся в выборе супруги, видя душевную чистоту Асем, способную поддерживать разговор на любую тему, наблюдая за ее несуетливым, спокойным характером. Утром провожал ее на работу, целуя в лоб у порога, и вечером с нетерпением ждал возвращения. Наверное, это и есть счастье! Оттого, что скучает весь день, жена всегда стоит перед глазами с лучистыми глазами. Только вспомнит, как сердце наполняется любовью, заставляя расчувствоваться. Самым главным делом теперь в его жизни было доставлять радость Асем! Только и думал, как бы ее обрадовать, развеселить. Перед ней всегда старался показывать себя с лучшей стороны. «Пока буду ходить по земле, — мечтал он, — моя жена не будет ни в чем нуждаться, не будет хуже других». Наверное, это и есть любовь!

В один из ясных осенних вечеров Асем принесла радостную весть, словно одаря Даира Каменовича за чистоту его помыслов. Перешагнув порог тридцатилетия, она мечтала стать матерью, и когда гинеколог сообщила радостную весть: «Вы беременны, срок больше четырех недель», переспросила, не зная, верить или не верить этому. «Конечно, я вас понимаю. Это долгожданная радость, теперь берегите себя», — произнесла врач, а Асем, услышав это, уже не могла удержать слезы. Придя на работу, вся в смятении, как никогда ждала конца рабочего дня. Когда сильно ждешь, время будто замедляет свой ход. Хотя не терпелось ей увидеть и обрадовать Даира Каменовича, но не смогла сразу сказать, дождалась вечера. Волновалась, думая, как ему поведать. Уже в спальне Асем, несколько смущаясь, сказала мужу о беременности.

Как результат большой любви и уважения друг к другу появилась на свет девочка по имени Жулдыз. Выпрошенный у Аллаха в среднем возрасте ребенок родился слабеньким. Наверное, немного таких добрых отцов в мире, как Даир Каменович. После выписки из роддома он создал все условия для матери и дочери. Сначала взял годичный отпуск. Затем принес толстую энциклопедию «Мама и ребенок», черпая оттуда знания, старался затем претворять все в жизнь, неустанно ухаживал за женой и ребенком. В дневник альбома «Наш ребенок» записывал каждый день, каждый поступок Жулдыз, каждый месяц фотографировал ее и клеивал снимки в альбом. Альбом заполнял только своим почерком. Для Даира Каменовича не было большего счастья.

Даже мама Асем говорила:

— Асем, дорогая, ты и не нужна Жулдыз. Выходила бы на работу, лучше папы не найти няни.

Асем работала заведующей отделом, когда под предлогом общей оптимизации государственной службы в их сфере провели сокращения. Руководитель аппарата собрал заведующих отделами и потребовал сократить одного из пяти человек в каждом отделе. Среди служащих начались слезки друг за другом, искали, какие у кого есть недостатки. Согласно правилам, в первую очередь под сокращение попадали находящиеся на государственной службе менее трех лет, затем те, на кого больше поступало жалоб, и трижды писавшие объяснительные записки. Трудно сказать, как в других отделах, но у всех семи служащих под началом Асем был стаж работы более трех лет, никто из них не получал трижды замечаний. «Все равно одного сократи», — потребовал начальник. Сюда попасть на службу трудно, а уже устроившийся человек разве уступит свое место? А начальник каждое утро на планерке не переставал настаивать на своем. Можно сказать, что она наизусть выучила биографии своих подчиненных. В конце рабочего дня ее снова вызвал начальник. Схватив личные листки учета, сложенные в папку, поднялась на третий этаж.

— Что такое, Асем, только ты не предоставила список для сокращения, — сказал гневно низкорослый брюнет, которого сотрудники за спиной называли Ташок.

Асем стояла на краю зеленого ковра, занимавшего почти весь пол кабинета руководителя аппарата. Она начала объяснять:

— Сокращать некого, все работают в соответствии с законодательством...

— Почему некого? Ну-ка дай сюда личные дела работников, а сама садись сюда! — не дослушав Асем, произнес он резко и указал на стул рядом с ним.

Асем тихонько приблизилась и положила на стол бумаги из папки.

— Это кто? Байгереева написано...

— Батыр Бейсебайулы, она мать-одиночка, по закону мы не можем ее сократить, пока ребенку не исполнится четырнадцать лет.

Начальник был педантом, когда дело касалось закона, поэтому на этот раз промолчал.

— А эта? А эта? А эта?

На каждого из них она находила законное обоснование, пока в самом конце очередь не дошла до самой старшей среди всех, Гульдары Жексенкызы, которой было уже за пятьдесят, стаж работы на государственной службе у нее составлял свыше двадцати лет.

— А эта?! — воскликнул начальник настороженно.

— И здесь не нахожу оснований для сокращения, у нее четверо детей, есть муж... — начала говорить Асем, но начальник прервал ее.

— Знаю, это же жена того самого Ахметова. А ведь энергичный муж, дети выросли, ничего не потеряет, если сократим, посидит дома.

— Она хочет уйти на пенсию отсюда. У нее нет замечаний и выговоров. В коллективе авторитетна, — попробовала заступиться Асем.

— Ее и сократи, объясни, что у нее есть муж — прокормит, дети выучились, работают. Пусть уступит место молодым. — С этими словами он выпроводил Асем из кабинета.

Не зная, как сообщить эту неприятную новость Гульдары Жексенкызы о предстоящем сокращении, Асем не стала заходить в лифт, спустилась по лестнице с седьмого этажа. «Сегодня ничего не скажу, до завтра что-нибудь придумаю», — с такими мыслями зашла в кабинет и, взяв верхнюю одежду, отправилась домой.

Дома провела все время в переживаниях, думая о Гульдары Жексенкызы. Когда днем по этому поводу разговаривала с коллегами — заведующими других отделов, оказалось, что они, не думая ни чем, составляли списки для сокращения. Сокращенным полагалась компенсация в размере четырех окладов. Если посмотреть на список сокращенных ими, то все вроде в рамках закона. Всю ночь словно перебрала в памяти коллег, работающих на всех двадцати двух этажах. Все государственные служащие состояли из неженатых холостяков и старых дев в возрасте от тридцати до сорока лет. Многие после сорока — матери-одиночки, имеющие внебрачных детей. В нашей стране по закону им дается немало привилегий. Первыми в очереди на квартиру стоят они — матери-одиночки. В очереди на десять соток земли, положенных государственному служащему, вновь матери-одиночки. В начале списка, не подлежащих сокращению, также матери-одиночки. Первые в очереди на детский сад — опять же матери-одиночки. Первые для получения материальной помощи — тоже они. Первыми уходят в трудовой отпуск, как правило, матери-одиночки. Если мало отпуска, дополнительные дни берут также матери-одиночки. Мы виноваты в том, что они родили вне брака, поэтому всем обществом должны заботиться о них. А вдовы или разведенные не могут пользоваться статусом матери-одиночки. Потому что они родили детей, состоя в браке. Такая мать, одна воспитывающая троих детей, не имеет никаких льгот. Почему? Она виновата в том, что у детей был отец? А в чем вина Гульдары Жексенкызы, которую сокращают, в том ли, что родила четверых детей от верного мужа, вырастила их настоящими гражданами страны? Наоборот, не правильно ли было сделать так, чтобы женщина с образцовой семейной жизнью находилась в коллективе, делилась с молодежью секретами благополучия в семье? Подобные

мысли одолевали ее всю ночь, пока она на следующий день не пришла на работу.

Сколько бы Асем ни тянула время, но придется вызвать Гульдары Жексенкызы, поговорить с ней и сообщить печальную новость. Начальник велел до обеда подать список, чтобы к вечеру собрать сокращенных и сообщить им об этом. Видимо, от такой безысходности и появилась некогда фраза о том, что *даже о смерти отца сообщают*.

Гульдары Жексенкызы спокойно выслушала заведующую отделом и сказала:

— Значит, вы сокращаете меня за то, что я счастлива в семье? Получается, что государственная служба — это место не для семейных, а для одиноких людей, работающих день и ночь, как машины?

Наверное, это и есть то, что называется *убить без ножа*. Асем не знала, как ответить ей. Когда взгляд Асем упал на сдержанное и спокойное лицо женщины, то чуть не сгорела от стыда. Она смотрела на нее с пониманием, словно мать. Встретившись с светлым взглядом пожилой женщины, посмотрев на ее доброе лицо, вспомнила слова мужа: «Я прямо по выражению лица определяю, счастлива женщина или нет. Если человек счастлив в семье — смотрит лучезарными глазами, с добротой на человека, как смотрит на мужа, детей. Бедная же женщина вечно старается зацепиться за какие-то незначительные слова и ругается».

Не найдя, что ответить, от неловкости положения Асем перевела взгляд на окно, что выходило на улицу. Взгляд ее упал на шестиэтажное здание, расположенное напротив, все окна которого с золотисто-желтыми стеклами словно скрывали внутренние тайны. За каждым из них множество частичек государственной машины выполняли свою работу. Многие из них — женщины.

И у каждой частички есть своя судьба, как у женщины, сидящей перед ней. Но вряд ли многие из них были хранительницами очага большого дома, как она! Нежные создания, мечущиеся между *семьей, детьми, работой*, они выполняли свои обязанности, отсчитывая восемь положенных часов. Они были как часы, точно показывающие время...

А у большей половины нет семьи.

Там тоже у мужчин, которым больше сорока, полные семьи. А кому тридцать, около сорока — разведенные, многие одинокие. А многие из девушек (возрастом около сорока, а кому и перевалило за пятьдесят, просто не выходили замуж и считали себя «девушками») — *старые девы* по-казахски. Которые в свое время говорили «*выйдем за того, у кого папка в руке, шапка на голове*» и остались, не встретив богатого, не посчитав ровней бедного. Благодаря государственной службе у них есть квартира, машина. Одеваются и пи-

таются разборчиво. Но нет рядом спутника жизни, месяцы переходят в годы, молодость сплутает. Беда под названием «одиночество» стучится в дверь...

Есть такие, кто, испугавшись приближения сорокалетия, родили по ребенку. Раньше родить внебрачного ребенка считалось позором, забеременеть дома являлось черным клеймом для всего рода. Сегодняшние сельчане дают совет старым девам *«роди для себя ребенка»*. Ребенок — это оружие против одиночества или же игрушка для сорокалетней старой девы. *Как будто этот ребенок, повзрослев, не спросит: кто мой отец? Из какого рода я? От кого ты меня родила?* Как будто бедный ребенок не будет стыдиться потом, что он незаконнорожденный, найденыш. Не зная ни роду, ни племени, может стать распущенным, злопамятным и мстительным. Из-за того, что он родился недостойным, опозоренным, может и мать свою не уважать...

Итак, сегодня общество свыклось с рождением внебрачных детей. А куда деться, как не привыкнуть, если женщин больше, чем мужчин. «Где напасешься на каждого по мужу?» — изрекла однажды одна из наших бабушек. Действительно, где найти по мужу в каждую семью? Что еще удивительнее, некоторые семейные люди, нуждаясь хотя бы в одном ребенке, бегают по докторам да лекарям. А каждая одна из двенадцати девушек оставляет внебрачного ребенка. «Чтобы не смогла воспитать, даю рабыне, чтобы устыдилась, даю девушке», — не это ли имел в виду Создатель, произнося такие слова? Сегодня нет ни рабыни, которая не может воспитать ребенка, ни девушки, у которой сохранилось чувство стыда. Неужели мы стали привыкать к их бессовестности? Все больше создается условий для появления внебрачного ребенка.

Никто глубоко не задумывается, какова будет судьба у грешной матери и внебрачного ребенка через пятнадцать-двадцать лет. Как будто государство, наперед чувствуя те хлопоты, заранее создает необходимые условия для матери-одиночки. Лучше бы построили модель полной семьи, ставя в пример таких матерей, как Гульдары Жексенкызы, и возвышали такие счастливые семьи. Давали бы молодым семьям квартиры, государственную материальную помощь. Увеличивали бы пособия с рождением каждого следующего ребенка. Матерям, у кого растет число детей, сокращали бы рабочий день, чтобы дать возможность их воспитывать. Разве ребенок, выросший в такой среде, не наше будущее! Разве ребенок, воспитанный папой и мамой и выросший счастливым, повзрослев, не создаст такую же семью? Ведь есть же поговорка, гласящая, *«что видел в гнезде, то и будет делать, когда вылетит из него»*. Глубоко задумавшуюся обо всем этом Асем вернул к реальности голос Гульдары Жексенкызы.

— Асем, дорогая, так и будем продолжать — я сижу перед тобой, а ты в окно смотришь на улицу?

— Нет-нет, я думаю, как же нам поступить, — спохватилась заведующая отделом, придя в себя.

— Тебе не надо думать, как спасти меня от сокращения, я лично поговорю с руководителем аппарата, — сказала она, вставая с места.

— В конце рабочего дня будет совещание. Мы пригласим вас, — сказала Асем, давая понять, что разговор на этом закончен.

В кабинет руководителя аппарата собрали заведующих отделами и около тридцати нахмуренных, с недовольными взглядами, обиженных служащих, попавших под сокращение. На тех, кто пришел на встречу с ужасным названием «По поводу сокращения», не было лица. Кому понравится, когда *лишают куска хлеба, забирают теплое местечко*. Все молча присели на мягкие стулья. Руководитель аппарата поручил проведение собрания председателю дисциплинарного совета. Сам хозяин кабинета, словно давая понять, что он не имеет ко всему этому никакого отношения, присел с краю. Разве назначают кого попало председателем совета, рассматривающего поведение служащих? Он был одним из тех, кому велишь сбрить волосы, а он снимает голову, сообразительный и находчивый, не даст никому слова поперек сказать. Зайдя издалека, довел до сведения сидящих, что их сокращение происходит согласно закону, в связи с политикой оптимизации государственной службы. Похоже, он использовал прием, не допускающий возражений, говорил напористо, объяснял, цепко глядя каждому в глаза. Выложив все, что хотел, спросил, нахохлившись, словно беркут, весь устремившись вперед, осматриваясь по сторонам.

— Вопросы есть?

То ли напористость председателя совета подавила их, то ли сказалось стремление сохранять субординацию, впитавшееся в них согласно неписаным правилам, но никто не задавал вопросы. Председатель совета порядком выдержал паузу, будто говоря, кто вы такие, чтобы идти против меня, затем огляделся, выкатив глаза.

— Вижу, что вы правильно понимаете ситуацию. Теперь на ваши счета перечислят четырехмесячную зарплату. С завтрашнего дня можете не выходить на работу, — проговорил он, подчеркивая каждое слово, будто платил людям из своего кармана.

И в этот момент, нарушив непродолжительную тишину, Гульдары Жексенкызы подняла руку:

— У меня есть вопрос.

Все оглянулись на коллегу, сидящую у окна.

— Что еще за вопрос? — недовольным голосом воскликнул председатель совета.

Сидевший до этого с самодовольным видом, говорящим: «Как я сказал — значит, все так и будет!», человек вздрогнул, весь напрягся, готовый отместить любые слова женщины.

— Мне непонятно, почему ни за что ни про что именно меня подвели под сокращение. Аскар Жардемулы, есть такие, кто устроился после меня, и стаж у них менее трех лет, почему сокращают меня, а не их? — спросила Гульдары Жексенкызы, смело глядя на руководителя аппарата.

Тот, показывая всем видом, что не имеет к происходящему никакого отношения, услышав свое имя, будто на уголек наступил:

— Гульдары Жексенкызы, почему вы спрашиваете об этом меня? Заведующая отделом предложила вас, ну-ка, Асем Жумашкызы, скажите, почему именно кандидатуру этого человека подаете на сокращение? — быстро произнес он, переложив всю вину на Асем.

Асем удивилась двуличию руководителя аппарата, с которым только вчера вдвоем пришли к решению *сократить Жексенову*, а сегодня он все свалил на нее. Когда она с удивлением взглянула на него, он сухо проговорил:

— Асем Жумашкызы, вы — заведующая отделом, поэтому отвечайте за своих специалистов.

Складывалось впечатление, что он ни при чем в этом неблагоприятном деле. Асем спокойным голосом отчиталась, что трое из шести человек отдела матери-одиночки, у одного мужчины трое детей и он единственный кормилец в семье, у второго мужчины жена больна, не работает, он также кормилец семьи, и то, что сама является заведующей отделом. «Так как по аппарату каждый шестой должен был идти под сокращение, это выпало на Гульдары Жексенкызы».

— Я тоже мать четверых детей, тем более до пенсии мне осталось всего три года. Почему не войдете в мое положение? — продолжала Гульдары Жексенкызы.

Вновь вмешался председатель совета:

— Все ваши дети уже взрослые. К тому же ваш муж работает. Довольствуйтесь тем, что у вас хорошее положение в семье. Как мы сократим кормильцев семей? Мы выдадим вам компенсацию в размере четырех окладов! — сделал он акцент на последних словах.

Председателя совета поддержала начальник другого отдела, сама мать-одиночка.

— Гульдары Жексенкызы, за счастье тоже надо платить! — пытаюсь показать себя знающей, резким голосом бросила она реплику.

Это было последней каплей, Гульдары Жексенкызы соскочила с места:

— Значит, вы меня сокращаете за то, что я счастлива в семье? Значит, государственная служба — это

место работы для матерей-одиночек и несемейных?! Получается, я виновата в том, что вышла замуж и родила детей?! Почему бы вам не ставить меня в пример этим незамужним и бездетным? До этого возраста я успела полюбить, детей родить, смотреть за свекровью, выучила детей. И государству служила. До сих пор я не получала никаких замечаний на работе. И теперь, перед моим выходом на пенсию, вы не колеблясь вычеркнули мою фамилию. Сокращайте, я везде выскажу свое мнение, — сказав так, она встала и пошла к двери.

— Гульдары Жексенкызы, Гульдары Жексенкызы...

На голоса Асем и председателя совета она даже не обернулась. На следующий день на работу она не вышла.

В конце рабочего дня руководитель аппарата вызвал Асем. Брови нахмурены. Видимо, до него дошла новость о *маленьком спектакле* в присутствии его заместителя. Поэтому напустил на себя строгость, проявлял недовольство, чтобы показать, что такой *спектакль* ему не по душе. Асем, не решаясь сесть, оперлась на спинку стула, стоя перед ним. «Расскажи о вчерашнем событии с начала и до конца», — сказал он. Асем не скрыла и то, как мать-одиночка посыпала соль на больное место и без того переживающей женщины репликой «За счастье тоже надо платить». Начальник, дослушав разговор служащей до конца, приподняв брови, произнес удивленно:

— А мне донесли, что эта женщина в гневе сказала непристойные слова, способные подпортить авторитет государственной службы.

— Я вам передаю все как есть, потому что все эти слова Гульдары Жексенкызы говорила и мне за день до этого. По правде, если она будет судиться, то выиграет. Потому что нет оснований для ее сокращения. Но я полагаю, что она не станет марать свое имя судебной тяжбой. Но в своем окружении, как она сказала, будет говорить о незаконном сокращении, а у нее большое окружение, — сказала Асем, воспользовавшись тем, что начальник спокойно слушал ее.

— Вызови ее, — сказал руководитель аппарата.

— Сегодня она не пришла, приболела, — ответила она, потому что еще с утра позвонила, чтобы узнать причину ее отсутствия.

Видимо, слова, сказанные Гульдары Жексенкызы в гневе, заставили задуматься начальника, он встал и подошел к окну. По нему было заметно, что он сильно взволнован. Через какое-то время, обернувшись к Асем, произнес:

— Как выйдет на работу, пусть зайдет ко мне.

Заведующая отделом, довольная тем, что начальник больше не возвращался к теме сокращения, поспешила к выходу.

Среде, состоящей из одних женщин, присущ свой микроклимат. Как говаривали наши мамы, в этой среде есть те, кто натравливает одного на другого, то есть интриганы, подстрекатели, клязунницы и такие, кто, что называется, не дает двум домам соседствовать спокойно. Среди работников государственной службы, оказывается, тоже есть невидимые ступени, на которых они стоят, существуют неписанные правила, известные только им. И это тоже женщины объяснили Асем.

Если, правда, то, по их словам...

Верхнюю ступень занимают близкие родственники начальников, их приближенные девушки и молодухи, затем — пособники и подхалимы, которые с помощью указательного и среднего пальцев показывают английскую букву V («виктория» — победа).

Среднее звено держат приверженные канцеляршине, принимая задания начальника как важную для жизни задачу, выполняя его с большой ответственностью; дела у них обычно спорятся, на них ложится основная нагрузка по работе, они, так сказать, хребет коллектива.

Ниже них — «кабинетные кроты», грызущие бумагу, отключившие компьютерный экран, уходящие с головой в документы, не видящие никого вокруг.

Между этими тремя звеньями есть бегающие из отдела в отдел, от начальника к подчиненному, громко рассказывающие анекдоты, при этом они одновременно делятся сплетнями, ступают мелким кошачьим шагом, осторожно приоткрывая чужие двери. Донося последние новости со скоростью ветра, высокомерно передавая услышанное, находят общий язык с теми, у кого есть близкие друзья среди начальства, вместе с ними обедают, это интриганы-подстрекатели. Себя они видят сильными специалистами, над другими жеманно смеются.

Этим женщинам все важно. Кто чей родственник, где работает муж или жена. Кто куда продвигается или уходит, кто чей земляк, кто состоятельный, а кто живет только на одну зарплату. Кто кому нравится, кто чей любовник, кто поменял квартиру или машину, в какую страну ездил отдыхать и так далее...

Многие из них, к прискорбию, не познали женского счастья, поэтому их настоящие враги — довольные жизнью, улыбочивые счастливые женщины. К сожалению, их молодость пропадает в бумажной волоките, за порогом кабинетов. Самое удивительное в том, что они вроде бы красивые, в знаниях не уступают мужчинам. Но вид их очень холоден, на людей они смотрят сверху вниз, как на буквы служебных бумаг. В то же время они не могут получить удовольствия от жизни и других не радуют. Что поделаешь, такие они по натуре...

Некоторые словно растеряли всю антипатию. А у других эта антипатия — ненависть через край. Из жизненного опыта, самыми опасными являются подстрекатели, если сказать словами государственных служащих, интриганы. Такие, улыбаясь, рубят на корню жизнь других или же натравливают друг на друга, затем сами же, любясь и хлопая, наблюдают. Наверх докладывают, как натравили, скажем, двух женщин друг на друга. «Обе устроили скандал, в конце концов, одна подала жалобу на вторую», — так передадут, как будто сами ни при чем.

Для Асем нет ничего выше человечности. Одна из подчиненных после очередного трудового конфликта в ярости выпалила, словно сделав открытие, что «человечность — это не профессия». Оказывается, у коллеги достаточно человечности, но нет профессионального мастерства. «Профессиональному мастерству можно научиться, а человечность бывает по наследству, от воспитания. Гуманный человек нужен и обществу, и людям, он станет хорошим другом, хорошей половинкой», — пыталась объяснить ей Асем, но та стояла на своем. По ее словам, работники государственной службы должны придерживаться официальных отношений, не нужно ни к кому относиться с особенным теплом, «панибратством занимайтесь в своем кругу». Нужно пристально смотреть за всем, что происходит, ждать, чем оно кончится. Иначе можно пострадать в любой ситуации от тех, кто говорит «не подставлять». «Тогда, не доверяя друг другу, как можно работать в одном отделе?» — удивлялась она этим словам.

Став заведующей отделом, Асем первым делом встретила с каждым сотрудником наедине. Хотела через собеседование узнать стиль и методы их работы, семейное положение, культуру речи и умение подать себя. Двенадцать подчиненных показали двенадцать видов характера. Каждый, по возможности, старался показать свою компетентность. Одни говорили, что до сих пор не учитывался их уровень подготовленности, всем давали задания одного уровня, советовали, чтобы впредь все было справедливо, исходя из размера оплаты, предлагали свой рабочий график. Одна работница говорила, что получает самую низкую зарплату, а другая — что она мать-одиночка и не может задерживаться подолгу на работе по вечерам, сразу предупредив, что не сможет выходить и на дежурства. Другая пожаловалась на то, что работает на одном месте свыше десяти лет, никто ее не предлагает на повышение. Рассказала, как она потерпелась от бывшего начальника-мужчины. Назвала и описала женщину из отдела, которая стала причиной подстрекательства и предупредила ее. Пожилая женщина просила отпустить, если ей понадобится отлучаться по семейным обстоятельствам. Послушав всех, пришла к выводу, что они подсаживают друг друга. Это

не журналистская среда, где каждый, получив свое задание, как пчела устремлялся по своему направлению собирать материал. Только и делают, что наблюдают, не смыкая глаз, друг за другом. Кто что делает, куда пошел, сколько написал, сколько говорил по телефону.

«Я это не смогу сделать», «Не мое дело», «Подшло время обеда», «Шесть часов, рабочее время закончилось», «Завтра суббота — выходной, я не смогу выйти на работу!» — подобные слова она часто слышала именно здесь.

В газете журналисты *не считались со временем*, забывали, что такое *время обеда*, пока не выполняют полученное задание. Чтобы взять интервью, быть в курсе событий, быстро донести информацию, ездили из одного конца Алматы в другой. Не обращая внимания на неблагоприятные погодные условия, уезжали в командировки по районам, бывали в областях, ездили по всей республике, подчинялись неписаному закону — *волка и журналиста ноги кормят*. Бывало и так, что подготовленная в мучениях статья не нравилась заведующим отделами и ее не ставили в печать. Стыдились, когда материал возвращали, весь в исправлениях красной ручкой, сделанных рукой заведующего отделом. Постепенно материалы стали подвергаться лишь легкой корректировке. Такой просмотр означал разрешение для печати. В «СК», наверное, ни у одного журналиста статьи не попадали на страницы газеты в первоначальном виде. Достигнуть грамматической вершины — это отдельная школа. Сначала читает *свежий глаз*, затем смотрит корректор, утомляя глаза чтением, следом руководитель корбюро, передавая все потом дежурному редактору, чтобы, в конце концов, полосы внимательно просмотрели ответственный секретарь и главные отделы. Лишь пройдя через них, выходит номер. В то время выпустить одну статью, подписанную твоим именем, в «СК» было равносильно победе.

Как говорится, «плох тот солдат, кто не мечтает стать генералом», поэтому, наверное, не найти среди журналистов публициста, кто не хотел бы стать главным редактором. Чтобы подняться до этого, оказывается, претенденту нужно пройти двенадцать ступеней. Поначалу он — студент. Затем, став практикантом и стажером, по словам старших, должен почувствовать запах газеты» После получения диплома ему надо найти работу, и если устроится, то он может стать оплачиваемым корреспондентом, затем старшим корреспондентом, а набравшись опыта, перейти в обозреватели. Заслужит доверие — станет заместителем заведующего отделом, а затем и заведующим отделом. А если ему повезет, то, претендуя на место ответственного секретаря, дойдет до ответственного секретаря. Коль посчастливится, то станет заместителем главного редактора лет

этак на десять. А по истечении нескольких лет, если повезет, будет назначен главным редактором. Теперь ему хорошо подошли бы такие пронциательные слова, как «сохранить звание чемпиона труднее, чем его завоевать». Не каждый может стать чемпионом, как говорится, из ста — один скакун, из тысячи — лишь один тулпар. Так и газетчику, выбранному из тысячи, нелегко говорить с такой высоты. Говоря по правде, не может же он, взобравшись на вершину горы, лишь созерцать сверху. С той вершины он должен говорить с народом, контролировать и отбирать статьи, которые пойдут на страницы ежедневных номеров газеты, на темы государства, политики, международного положения, социально-экономической ситуации, науки и культуры, спорта, знать, куда их ставить, смотреть за макетированием. Очень часто его работа будет начинаться спозаранку и заканчиваться возвращением домой под утро, так как материалы на подпись бывают готовы только к полуночи. Пересаживаясь с самолета на поезд, с поезда на машину, постоянно находишься в командировках...

На первые ступени можно подняться через шесть месяцев, самое меньшее — через два года, на среднюю ступень — через четыре-пять лет, на седьмую-девятую ступени — в течение десяти лет, на все это понадобится лет тридцать. Главный редактор, у которого работала Асем, посвятил сорок два года своей жизни, чтобы подняться до этой высоты.

Неизвестно почему, но как бы Асем старалась ни думать, все-таки часто вспоминает время, когда она была журналистом. Долго скучала по коллегам, которые, не ленись, учили ее всему, что сами знали. Она радуется, если кто-нибудь из них позвонит или если она встретит кого-нибудь из них на улице.

Может, она и оставалась бы журналистом, если бы после развода с Жайсаном не убежала из Дома печати, который называли «Шелковый путь — 50». На каждом этаже девятиэтажного здания находились где по одному, а где и по две-три редакции средств массовой информации. Как ни старалась не встречаться с мужчиной, который ее разочаровал, находясь в одном здании, все равно сталкивалась с ним то на лестнице, то в столовой. Она готова была поменять место работы, перейти в другой конец города, даже готова была уехать в другой город. Когда она находилась в таком трудном положении, встретила подругу-однокурсницу Даметкен, работающую в Министерстве образования. Они зашли по дороге в кафе переговорить и перекусить. Асем, не зная, с кем поделиться о том, что наболело у нее на душе, расчувствовалась и все рассказала. «Не хочу его видеть, если бы была работа в области, уехала бы из города», — заключила она. Видимо, судьба свела ее

с Даметкен. «Приходи к нам, многие наши учителя из-за маленькой зарплаты ушли в торговлю. Я знаю заместителя министра, нам нужны такие, как ты, умеющие писать», — предложила она. На ее слова: «Моя специальность ведь не подходит вам» — подруга сказала: «Поступишь заочно на второе высшее, на филологию, ты же хорошо училась, сможешь справиться с любой работой».

И на самом деле, так и получилось, вскоре она перевелась в Министерство образования. К осени поступила на заочное обучение. Вице-министру понравилось, как она пишет. Так она начала службу с должности консультанта по письмам. Как только она получила второй диплом о высшем образовании, Даметкен перевела ее в департамент «Дошкольное воспитание и среднее образование», которым она заведовала. Таким образом журналист Асем Жумашкызы стала главным специалистом-консультантом по контролю в педагогической отрасли. Сфера контроля: дошкольные учреждения, состояние средних общеобразовательных школ, повышение уровня знаний учителей, вопросы обеспечения учебниками. Цель — принять участие в повышении качества знаний в нашей стране.

Страна переживала первые годы независимости, основной задачей было выпустить собственные учебники. Во времена Советского Союза, ориентируясь на Москву, обучали детей по общим учебникам для пятнадцати союзных республик, дети коренной национальности совсем не знали историю своей страны. Два-три поколения выросли в стороне от национальной культуры. Когда получили свободу, свою историю внесли в школьную программу. Асем появилась в министерстве как раз в это время. Было немало критиков, но было много и помощников, помогавших идти по правильному пути во время этого процесса. Как говорится, «кочевка выравнивается на ходу», чем больше она работала над изданием национальных учебников, тем больше ей это нравилось.

8

Рано утром зазвонил телефон в прихожей. Только поднявшаяся с теплой постели Асем нехотя направилась к нему, думая, кто бы это мог быть с утра пораньше, и подняла трубку. Не успела сказать «Алло!», как в трубке раздался громкий женский голос: «Эй, Асем!» Из-за неожиданного резкого обращения женщина чуть не выронила трубку из рук. Казалось, что этот зычный голос парализовал ее всю, даже голос ее задрожал, когда переспросила: «Алло! Кто это?»

— Эй, Асем, ты что, перестала узнавать людей? — начали обвинять на том конце провода.

Не видя самого собеседника, да еще испугавшись кричащего голоса, легко ли определить, кому он принадлежит. В день могут позвонить не меньше тридцати человек, как тут различить все голоса.

— Извините, я действительно не узнала...

— Девушка, если ты меня не узнаешь, кто же меня должен узнавать? — кокетничала женеше Багым, которая в свое время в ауле была ее школьной подругой, а после вышла замуж за двоюродного брата Асем.

— Женеше, это ты? Откуда мне узнать тебя, если я тебя не вижу, да и с утра пораньше своими воплями сбила меня с толку, ведь я еще не проснулась, — начала оправдываться перед женеше Асем.

— Солнце когда еще взошло, но вы ведь городские, спите в объездах мужей, пока оно не поднимется совсем высоко, — грубовато пошутила та. Чтобы она не углубилась в эту тему, Асем спросила мягко:

— Женеше, все в порядке?

— В порядке, в порядке... Земля цела, народ спокоен. Старшие в доме тоже здоровы. Мы с твоим братом тоже стараемся заботиться о семье. Не буду тебя задерживать, ты, наверное, идешь на работу?

— Да, сначала ребенка надо в детский сад отвести, мужа на работу отправлю, потом и сама помчусь.. — на жаргоне Багым ответила Асем.

Обрадованная шутливой речью подруги, Багым сообщила:

— Асем, сразу перейду к делу. Наш Жасын больше трех лет в вашей стороне, знаешь ведь, — и остановилась, чтобы узнать, что на это скажет подруга.

— Да, знаю, приходит на праздники, он что, до сих пор на той работе? Случайно, не жениться собрался?

— Нет, какая там женитьба, в вашей холодной столице ему даже негде приткнуться, жилья нет. Хочет, как ты, на государственную службу поступить. Я ему сказала, чтобы посоветовался с тобой, что сестра подскажет, как лучше. Если придет, помоги ему. Вот брат твой сидит рядом, передает привет, — упомянула она брата, чтобы придать вес своим словам.

Мужское слово для казашек более весомо, поэтому, наверное, Багым не преминула воспользоваться этим. «Женщина должна быть за спиной мужчины», — всегда говорила бабушка. Это означает, что для любой женщины свой мужчина — судьба.

— Хорошо, пусть приходит, посоветуемся. Брату передай привет!

— Эй, девушка! Не просто на словах, а по-настоящему помоги, не забудем твой труд, — начала женеше, на что Асем обиделась:

— Уф, Багым, что ты несешь? Я только буду рада, если смогу вам помочь, — сказала она с упреком.

Было слышно, как на том конце провода брат уронил жену.

— Ладно, девушка, не обижайся, кто у нас есть, кроме тебя, — завершила та разговор, возложив такой тяжелый груз на золовку.

Когда положила трубку и вошла в столовую, следом появился муж, спрашивая:

— Кто это трезвонит с утра пораньше?

— Да невестка Багым, говорит, Жасын хочо

ет пойти на государственную службу, просит помочь.

— А-а, конечно, надо помочь. Пробивной парень, если зацепится, потянет, — сказал муж, будто там кто-то на государственной службе уже раздавал работу или же звал Жасына к себе.

На следующий день у нее на работе появился двоюродной брат Жасын. Расспросив о здоровье родственников, о житье-бытье самого парня, о том, где он сейчас живет, она взялась за его резюме.

И школу, и университет парень окончил на отлично. Учился на историческом факультете Алматинского педагогического университета. Успел поработать три года учителем истории в одной из казахских школ Астаны. Недавно прошел тестирование в комиссии Агентства по делам государственной службы. Теперь хочет испытать удачу и поступить на службу, участвуя в конкурсе на вакантные места в Министерстве образования. Асем про себя отметила, что парень, видимо, пошел в родственников по материнской линии, нежели в отца, всегда скромного и тихого, очень он уж бойкий. Блеск в глазах напоминает мать Багым. И быстрая речь тоже как у Багым. На вопросы Асем он отвечал четко и конкретно.

— Жасын, ты сам сдашь документы в конкурсную комиссию по государственной службе, которая находится на втором этаже в отделе организационной и кадровой работы. Потому что мы, являясь между собой родственниками, по закону о государственной службе не имеем права работать вместе. Если тебе повезет и ты пройдешь, то будем работать в разных департаментах. Сегодня сдашь документы, затем они сами вызовут тебя на заседание комиссии. — Она сложила аккуратно бумаги в папку и провела его до лифта.

Заметила в коридоре множество молодых людей. У всех на лицах тень ожиданий, надежды и сомнений. Все девушки и юноши красивы и привлекательны. Что и говорить, молодость ведь и есть красота. И у парней, и у девчат при себе бумажные папки. Сразу видно, что все они пришли на конкурсную комиссию для поступления на государственную службу. Одни копаются в бумагах, складывая их, другие делятся мнениями, спрашивая то, чего не знают, делясь тем, что знают. За дальней дверью на заседании комиссии, похоже, происходит бурное обсуждение. Вот открылась массивная де-

ретенная дверь, и оттуда вышел, весь раскрасневшийся, претендент на госслужбу. Девушка, стоявшая у дверей, чеканным голосом приглашала следующего кандидата, называя его фамилию. Тот весь в волнении входил в дверь. Жасын тоже находился среди участников конкурса, стоя у окна, он просматривал свои бумаги. Асем решила не подходить к нему, чтобы не отвлекать от происходящего. Поддерживала его мысленно, находясь неподалеку. Затем, понаблюдав некоторое время за молодыми претендентами, направилась к кабинке лифта.

После обеда Жасын зашел к ней. По светящимся глазам поняла, что прошел он комиссию как положено. И все же спросила:

— Ну и как?

— Кажется, все хорошо. Ответил на все вопросы.

Обычно немногословная Асем не стала дальше допытываться.

— Теперь иди к нам домой, поешь, отдохни, из аула приехала бабушка Нуржамал, побеседуй с ней, — сказала она и провела Жасына до выхода.

Через неделю Жасын вновь появился у нее.

На этот раз он пришел с опущенной головой, без настроения. По нахмуренным бровям было видно, что чем-то обижен. По его словам, конкурсная комиссия, принимающая на государственную службу, зачислила Жасына в резерв. Оказывается, и в прошлом году его поставили в резерв, и он целый год безрезультатно ожидал приглашения, поэтому ему снова пришлось пройти всю эту процедуру. Парень пожаловался на все это сестре.

— Оказывается, есть такие, кто ходит сюда уже третий год. На наше конкурсное место взяли парня, проходящего здесь практику. Объявленный конкурс оборачивается вот таким образом. Их знакомые, работая там, проходят практику, затем объявляют конкурс. А такие, как я, бегают, собирая отовсюду документы. Готовятся. И все напрасно. Как ни старайся, результат тот же — поставлен в резерв. А это, по сути, был конкурс, чтобы посадить на это место того парня. Я надеялся, что в этот раз будет не так... — говорил он, надувшись.

Ей стало жалко растерянного, потерявшего решительность парня. «Неужели действительно так? Узнаю-ка я истинное положение вещей», — подумала Асем и сказала Жасыну, что узнает положение дел и свяжется с ним.

Сначала она выяснила, что на самом деле в отделе, который объявлял конкурс, работает теперь тот самый парень. Довольно долгое время она встречала этого худощавого парня в столовой. Он был принят консультантом отдела с испытательным сроком. Загипа, молодая женщина, являлась заведующей отделом по защите прав детей и молодежной политике. На

совещаниях у руководителя аппарата они сиделись рядом. Оттого у них дружеские отношения. Воспользовавшись этим, Асем завела разговор о недавно состоявшемся конкурсе и из ее уст услышала, что в отдел взяли нового специалиста. «Руководство наше его направило к нам, и ходил он здесь с начала зимы. А в прошлый раз, объявив конкурс, заставили взять в отдел», — сказала она, конкретно указав, кто дал ей такое задание.

Сходила Асем и в отдел кадров, чтобы узнать подробности. Там заведующей отделом работала красивая женщина, перекрашенная вся в бело-желтый цвет, по-особенному, словно породистая кошечка, играющая зелеными глазами.

— Асем Жумашевна, добро пожаловать, проходи-те. — С этими словами она указала на стул, стоящий напротив, толстым указательным пальцем с длинным накрашенным ногтем.

Вежливо поздоровавшись, Асем, посчитав неудобным сразу садиться, обратилась к ней стоя:

— Жадыра Кимашевна, пришла узнать у вас об одном обстоятельстве...

— Сначала присаживайся, затем и скажешь...

Асем присела на краешек стула.

— Жадыра Кимашевна, я хотела узнать насчет прошедшего конкурса на вакантную государственную должность. Меня удивляет, почему гражданин, прошедший успешно конкурс, подходящий по всем критериям, не был принят на работу...

— О ком вы это? — с удивлением вытаращила глаза белая и пухленькая женщина.

— Парень из наших мест.

— С юга, что ли? — поморщилась она.

— Нет. Из Жетысу. Какая разница, откуда. Фамилия его — Бектурганов. Бектурганов Жасын!

— А, это тот, тараторка. Помню. И в прошлом году приходил, — подтвердила она то, что в курсе.

— Да, и школу, и университет окончил с отличием. Три года работал учителем. Год находился в резерве. Он и так подходил на это место.

— Мы его снова включили в резерв. Надеемся, в будущем ему повезет, — произнесла она неуверенно.

— Хоть на конкурс и пришла толпа молодых, никто из них не смог пройти, потому что там уже сидит специалист, устроенный раньше.

— Кто так говорит? Совсем ведь недавно провели конкурс, взяли троих претендентов в отделы, двоих поставили в резерв, — начала оправдываться начальник отдела кадров.

— Видимо, конкурс был проведен ради человека, которого заранее определили в отдел по защите прав детей и молодежной политике. Бектурганов, который

набрал самый высокий балл, не прошел, а взяла претендента, проходящего практику.

— Ты же знаешь, такие вопросы решает только начальство. Наше дело — лишь провести конкурс, — произнесла собеседница, пожимая плечами.

— Получается, молодежь, толпами сдающая документы, участвует в конкурсе только ради галочки? Приходят с надеждой, а там уже сидит кто-то...

— Асем Жумашевна, почему вы ведете себя так будто пришли на государственную службу только сегодня? В конкурсной комиссии сидели шесть человек во главе с заместителем руководителя аппарата. Как я могу одна решить? — Чувствуя, что разговор обретает серьезный оборот, женщина стала выгораживать себя.

Она хорошо знала, что хоть и работает Асем в министерстве, но ее основное образование — журналист, что она раньше работала в главной газете страны — «Егемен Қазақстан». Знала и поэтому осторожничала. Переживая, что возник такой неприятный разговор, подумала, что надо обратить внимание Асем на другие вещи.

— Асема, зачем тебе это? Есть комиссия для проведения конкурса, и решение за его членами. Ты же сама все знаешь... Зачем кличешь беду на наши головы... Лучше расскажи о подготовке вашего отдела к Наурыз. Каждый отдел показывает свой номер. Говорят, в этом году солидный приз победителям.

Асем встала, отодвинула стул и пошла к выходу. Она чувствовала, что дальше разговора не получится.

— Асема, не забивай голову чем попало. Много знать вредно, — попыталась перевести все в шутку начальник отдела кадров.

— Спасибо, Жадыра Кимашевна, — проговорила Асем, торопясь выйти.

Теперь журналистский характер Асем дал о себе знать, она взялась дальше расследовать работу конкурсной комиссии.

Сначала выяснила набранные по итогам конкурса баллы и стаж работы Ахата Ускенбаева, вдруг появившегося в отделе молодежной политики. Оказывается, он окончил университет с обычным дипломом, год отработал в сфере, не имеющей отношения к образованию. И баллы по итогам конкурса низкие. Находится в середине списка его участников. С какой стороны ни возьми, уступает Жасыну Бектурганову. Единственный плюс — трехмесячная практика в министерстве. Не смогла выяснить, кто его взял на практику. Поэтому решила все остальное выяснить на самом верху. «Будь что будет», — сказала себе Асем и вышла напрямую на заместителя руководителя аппарата Аманбека Жолдыулы.

Дело в том, что в этот раз председателем конкурсной комиссии был Аманбек Жонкебаев. Она полностью

повторила ему все, что сказала начальнику отдела кадров, рассказала о своем расследовании. Он прослушал все до конца, вызвал секретаря, попросил, чтобы она принесла протокол комиссии. «Я еще раз ознакомлюсь, ты можешь идти на рабочее место. Я сам тебя вызову», — сказал он.

Аманбек Жолдыулы вызвал на беседу начальника отдела молодежной политики Загипу и начальника отдела кадров Жадыру Кимашевну, снова просмотрел протокол, изучил документы кандидатов и, действительно, заметил во всем этом что-то неладное. Обе женщины забеспокоились, старались отвлечь внимание начальника от сути дела, но тот, придавая документам особое значение, вновь и вновь пересматривал их. Во-первых, Ахат Ускенбаев не оказался в резерве на государственную службу. Во-вторых, всего год назад окончил физкультурный университет. Набранные им на конкурсе баллы ниже, чем у Бектурганова. Не только Жасын и Ахат, все претенденты этого года оказались молодцами, как говорится, один лучше другого. «Права была Калдыбаева, и кто же тогда заранее провел сюда Ускенбаева?» — задумался он. Снова вызвал начальника отдела кадров, засыпал ее вопросами. Заставил ее просмотреть бумаги каждого кандидата. «Ну и как? Вы убедились, что никто из них не хуже Ускенбаева? Каким же образом он тогда прошел?» — повысил голос руководитель. Старался не называть имя Асем Жумашкызы, которая подняла этот вопрос.

— Что бы мы делали, если бы среди нас не было такого принципиального человека? — От мысли, что будет, *если узнают люди, пойдут слухи, мол, конкурсная комиссия министерства несправедлива при отборе*, он пришел в ярость.

Белая пухленькая женщина, вращая зелеными глазами, прибегла к следующему объяснению, чтобы отгородиться от скандального дела:

— Аманбек Жолдыевич, Ускенбаев проходил у нас трехмесячную практику, поэтому комиссия предпочла его...

— Жадыра Кимашевна, как может комиссия дать ему предпочтение, если вы не подтвердите его пригодность, то, что он подходит на это место, или же мне сейчас снова собрать членов комиссии, чтобы уточнить, за что оказано преимущество Ускенбаеву?! — Голос заместителя становился грознее.

Заметив, что дело принимает опасный оборот, начальник отдела кадров еле слышным и жалобным голосом стала оправдываться:

— Аманбек Жолдыевич, осенью, когда Загипа Жараскызы мучилась, что в отделе молодежной политики не хватает людей, Ускенбаев был приглашен для прохождения практики. С тех пор и находится в отделе.

Научился работать, справлялся со своими функциональными обязанностями. Оказался усердным парнем. «Если пройдет тест, будет соответствовать требованиям комиссии, оставьте этого парня», — просила заведующая отделом.

Аманбек Жолдыевич снова вызвал заведующую отделом молодежной политики Загипу Жараскызы. И она, будто сговорившись, повторила сказанное начальником отдела кадров. Заместитель руководителя аппарата догадался, что все это — дело рук этих двух женщин. Ему стало ясно, что они обе, приняв Ускенбаева с нарушениями требований закона о государственной службе, хотя и оправдаться тем, что в отделе не хватает сотрудников. Поняв это, он резко встал, почти отбросив в сторону стул, и начал вышагивать по кабинету. Делал это он молча, что означало — «Разговор окончен. Уходите!». На вопрос: «Нам можно идти?» — начальник кивнул, и они буквально выскочили из кабинета.

И начальник отдела кадров, и заведующая отдела молодежной политики, испугавшись, что план, составленный ими, был изобличен, понеслись каждая в свой кабинет. Даже не было сил винить друг друга. Как будто спешили найти решение, запершись у себя в кабинете, все спокойно обдумав.

Аманбек Жолдыевич написал служебную записку руководителю аппарата относительно работы комиссии, проведенной с нарушением требований закона о государственной службе. Ясно было, что первым пострадает он сам. Тем не менее написал, решив, что надо предупредить превращение подобных дел в привычку, дабы не пошли слухи в народе, что в министерстве творится такая несправедливость.

На следующий день руководитель аппарата вызвал его и переговорил сначала с ним. Он был намного старше его: «Ты куда смотришь? Почему дискредитируете звание государственного служащего?! Что было бы, если не Калдыбаева, а кто-нибудь со стороны заметил? Вы трое, имеющие к этому отношение, уйдете отсюда, взявшись за руки! Посмотрите, как это бывает, когда разочаровываешь и отбиваешь охоту у молодежи!» — гневно высказался руководитель. Им было поручено все тщательно проверить и принять меры.

В результате проверки Ускенбаева отодвинули в резерв, Бектурганова пригласили и взяли в отдел. Заведующей отделом молодежной политики и начальнику отдела кадров объявили по строгому выговору, лишили премиальных в течение шести месяцев. Председателю комиссии Аманбеку Жолдыевичу был сделан устный выговор.

Асем, довольная таким справедливым решением руководителя аппарата, лично поблагодарила Аманбека Жолдыевича. На этот раз начальник спросил:

— Бектурганов твой братишка?

— Нет. Но мы из одного аула. Он обратился ко мне как к журналисту за справедливостью. Поэтому хотела помочь, — ответила она.

Было понятно, что заведующая отделом молодежной политики и начальник отдела кадров сказали ему, что она тянет в министерство братишку.

— Где сказано, что важным моральным качеством государственного служащего является приверженность правде и справедливости? — спросил начальник, посадив ее и экзаменуя, как школьницу.

— В этических требованиях, предъявляемых к государственному служащему, — отчеканила Асем.

— Честность и справедливость, отзывчивость и уравновешенность государственного служащего играют важную роль при решении разных профессиональных вопросов, а также и в общении с посетителями, которые приходят по работе или по личным проблемам. Ты правильно выполнила эти требования, поставленные перед государственным служащим. За то, что ты вскрыла ошибку, допущенную комиссией, тебе можно было бы объявить благодарность, но во время проверки мы твое имя не называли. Поэтому те порицания, которые мы втроем получили, и то, что дело Бектурганова справедливо разрешено, можно считать твоей заслугой. Впредь будь такой же принципиальной! — поблагодарил Асем Аманбек Жолдыулы.

Сколько бы Асем ни считала себя государственным служащим, журналистская любознательность всегда преобладала в ней. Вошло в привычку этим взглядом смотреть на все стороны жизни, на окружающих. Поэтому в государственной службе находились проблемы, которые вызывали у нее неудовлетворение, заставляли задумываться. Одна из них — то, что многие коллеги в министерстве засиживались на рабочих местах после шести вечера, а также выходили на работу по субботам. Такая ситуация была распространенной не только у них, но и в других ведомствах и министерствах. Она заметила это во время общения с коллегами из этих сфер. В мировой практике считается, что служащий, не успевающий исполнять свои обязанности за восемь часов, является специалистом с низким профессиональным уровнем. А что можно сказать о наших, которые остаются на работе после шести вечера? У них могут и не быть неисполненные документы. Но среди них есть и такие, кто не может уйти из-за задерживающихся в своих кабинетах начальников отделов, управлений или руководителей более высокого ранга. Как объяснить руководителям, не задумывающимся об этом, о вредном психологическом воздействии таких задержек на личную жизнь, судьбу работников? Многие из тех, кто задерживается и охраняет кабинет, — молодежь. К двад-

цати пяти годам молодость, можно сказать, заканчивается. Получая высшее образование, накапливая требуемый для государственных служащих трехлетний опыт, достигнув той или иной должности, они и не замечают, как пролетают годы, проходит молодость. Уходят в сумерках, добираются до дома при вечернем освещении, пока поужинают, пока придут в себя, уже наступает полночь. Известно, что тот, кто работает в субботу, оставшийся один выходной — воскресенье — проводит в домашних делах и готовит одежду на следующую неделю. После этого у него нет времени ни на знакомства, ни на встречи с кем-нибудь. От этого нет времени на личную жизнь, настроения думать о своей судьбе. У человека ведь есть и личная жизнь помимо службы?! Главный завет Аллаха человеку — оставить потомство после себя.

Намекая на это, Асем попробовала начать разговор с начальником другого отдела. «Работа допоздна, по вечерам началась после переезда министерств в Астану. Такого в Алматы не было. После перевода сюда мы ведь первое время до обретения жилья не могли перевезти свои семьи, оставили их в Алматы. Нас разместили в общежитиях, гостиницах. Целыми днями находились на работе, а вечером, чтобы не возвращаться в холодную комнату, где нет семьи, мы предпочитали продолжать работать. Из-за увеличения миграции также прибавилось документов, многие из которых обновлялись, и на самом деле работе не было конца и края. Затем стали приобретать жилье на окраинах, начали перевозить свои семьи. С тех пор прошло четыре-пять лет. А работа по вечерам, до полуночи вошла в привычку. Некоторым начальникам такой рабочий режим как будто и нравится», — откровенно призналась Жазира Асановна.

Попробовала поговорить еще с несколькими молодыми людьми. Их мнения совпадали с мнением Жазиры Асановны. Посмотришь на окружающих неженатых парней и незамужних девушек, все образованные, начитанные, умные. Посмотришь на парней, глаз не на радуется, девушки все писанные красавицы. Каждый — любимец своей семьи. Никто не проявил грубость или невоспитанность за эти годы совместной работы. Материальное положение тоже хорошее. Есть жилье, хорошие машины. Не хватает лишь пары, как для одинокого лебедя. Молодые люди, которые могут вырастить достойное поколение, в действительности тратят свою молодость не на пополнение своей нации, они сидят перед компьютером, среди бумаг. Мысли о том, как придать этой теме общественное звучание, помочь сверстникам советом, не давали покоя Асем. Однажды эти ее тревоги и переживания были все-таки изложены в статье, которая увидела свет в республиканской газете под заголовком «Молодость, которая проходит в одиночестве».

Не ожидавший таких слов, брат в растерянности спросил:

— За кого?

— За министерство, — ответил Даир Каменович, направляясь на почетное место.

Те, что рядом, посмеялись достойному ответу шутнику, и потом рассказывали эту историю на других мероприятиях.

Асем будто действительно вышла замуж за министерство, посвящала службе половину двадцати четырех часов в сутки.

Даир Каменович хвалил и поддерживал работу своей любимой супруги:

— Быть на государственной службе — это служить народу!

Думая о том, какая ответственная работа у Асем, как его добрая жена исполняет с честью обязанности, он гордился ею, иногда даже жалел. Уже с порога ее приглашали к домашнему телефону, не давал ей покоя и мобильный телефон, который она носила всегда с собой. Было такое ощущение, будто без нее министерство не может работать.

На шутку «Неужели без тебя работа министерства остановится?» — супруга отвечала: «Ой, всех наших так ищут, каждый важен на своем месте», при этом скромная по натуре Асем смущалась.

Видимо, в этом проявлялось ее благородство, она никогда не считала себя выше других, не зазнавалась. Не гордилась своим положением, как другие женщины, не напускала на себя важность, словно все государственные дела возложены на нее. И старшим, и младшим всегда помогала от души. Наверное, поэтому знакомые, видя ее, радуются, целуют в щеки. У некоторых уважение к ней автоматически передавалось и на ее близких, например, на Дaira Каменовича за то, что он муж Асем Жумашевой. Ученого, порой замечавшего подобное, это слегка обижало.

Говорят, однажды в санатории «Сарыагаш» отдыхала знаменитая певица с мужем. Он — Каньш Иманбергеноулы, известная в народе личность, доктор исторических наук, член-корреспондент Академии наук Казахстана. Но куда бы он ни пошел, везде его представляли как мужа Баленше Тугеншеевой. «Со всем стал несчастным из-за того, что являюсь ее мужем, весь народ ее узнает, а о моем месте в науке никто не говорит», — оказывается, говорил он обиженно людям. *«Известно, что наш прекрасный казахский народ выше всего ценит искусство, и имя творческого и талантливого человека бежало, как говорится, впереди него, было на устах людей, но, даже зная это, многие мужчины не могли смирить свою гордыню»*, — так порой размышлял он. В обществе, в котором они враждовали, постепенно

После поступления на службу в министерство все семейные дела безоговорочно отошли на второй план. И муж, и она сама, даже маленькая дочь, прежде чем что-либо планировать, обязательно сопоставляют это с ее рабочим графиком. Все семейные дела откладываются на выходные дни, когда она свободна. Даир Каменович стал ходить в гости к родственникам и друзьям один. Сам забирает ребенка из детского сада, потому что жена поздно выходит с работы. Приводит маленькую дочь домой, разогревает еду, приготовленную женой еще вчера, в микроволновке и ужинает. После того как дочь начинает играть, приводит в порядок свои бумаги, готовится к завтрашнему дню. Однажды растрепанная малышка пришла и сказала:

— Папа, помогите мне с уроками.

— Приготовь бумагу, тетради, — сказал отец, убирая тома книг в сторону, складывая записи, и переместился в комнату дочери.

Он внимательно прослушал выученное ею, помог решить задачи, набросать рисунок, между делом изрекая мудрые мысли, чтобы они остались в памяти ребенка. Вскоре открылась входная дверь. И отец, и ребенок, не сговариваясь, оставив уроки, бросились наперегонки в холл. У входной двери стояла изнуренная работой супруга — для одного, мать — для другого. Дочка бросилась обнимать. Муж пошел, взял ее верхнюю одежду. Лицо уставшей женщины от этого стало излучать радость, настроение ее улучшилось. Это ежедневный обычай. Крохотная птичка домашнего счастья, которая никому не показывается на глаза, расправила крылья и вознеслась под потолок, наполняя души чудесным состоянием. Несмотря на то, что поздно, они пьют чай за душевными разговорами.

Ни Даир Каменович, ни Асем не видели ничего плохого в таком укладе, не делили дела на женские и мужские. Не считали, кто раньше, кто позже пришел домой. Главное — желание семьи быть вместе, благополучно собираться вместе. Если приглашают гостей, то делают это в воскресенье, когда Асем не идет на работу, или выбирают праздничные дни. С тех пор, как Асем стала начальником отдела, она ходит на работу и в субботу. Поэтому в гости муж стал ходить один.

Один брат-шутник, заметив, что Даир Каменович стал чаще один приходить в гости, подколот:

— Куке, почему вы стали один ходить, неужели выгнали мою женеше?

На что Даир Каменович, не моргнув глазом, ответил:

— Твоя женеше вышла замуж...

к Даиру Каменовичу стало привязываться имя «муж Асем Жумашевой». В первое время, вспоминая историю со своим старшим коллегой-ученым, он расстраивался, но мало-помалу его слух привык к этому. Даже проникся благодарностью к жене за то, что ее так высоко ценят, что если она говорит, то по существу, если делает дело, то как надо. Кроме того, она не похожа на некоторых женщин, кто совсем не прислушивается к словам своих мужей, не дает им что-либо сделать. Она без лишних слов понимает своего мужа, не отвлекает его всякими пустыми разговорами, всячески поддерживает авторитет мужчины в доме. Как не ценить такую жену, которая и деловита, и хороша собой, не возносить ее до небес перед родными и близкими. Все хорошо, если бы не беспокойство за то, что их единственное чадо станет в семье единственным ребенком...

Быть может, Аллах услышал его внутренние переживания о том, что Жулдыз растет совсем одна, что, к сожалению, у него нет наследника, так как в один из дней его супруга неожиданно сообщила ему хорошую новость. Разница в возрасте в двенадцать лет всегда сдерживала чувства Асем, не позволяла ей прямо говорить все, о чем она думала. И хотя они делили супружескую постель, она никогда не говорила ему ничего лишнего, никогда не перечила Даиру Каменовичу, известному в обществе человеку. Говорила, лишь выслушав его. Даже о том, что она беременна, воспитанная и милая Асем сообщила мужу осторожно, краснея и смущаясь.

— Даке, тебя не будет смущать наш возраст, если у нас появится еще один ребенок? — вежливо спросила она.

Простодушный ученый не сразу понял эту ее загадку.

— О каком ребенке ты говоришь? — изумился он, выкатив свои зеленые глаза из-под очков.

— Если Всевышний даст нам еще ребенка. — Голос супруги был еле слышен.

— Если Всевышний даст ребенка? — повторил он слова супруги, и только тогда до ученого дошло, о чем идет речь. — Собирается дать? — спросил он.

Жена не удержалась и засмеялась простодушно ученого, разменявшего шестой десяток лет.

— Да, — ответила она.

— Это действительно так? — вскочил с места Даир Каменович и подбежал к Асем, которая смотрела телевизор.

— Конечно. Сходила к врачу, у нас будет малыш, — произнесла она.

Лицо супруги раскраснелось, черные смородиновые глаза слезились от радости и счастья. Лунный свет, льющийся из окна, подчеркивал ее стройный стан и словно озарял лицо. Легкое шелковое платье явственно обрисовывало все ее тело, маня и притягивая к себе мужчину...

— О, божественная! Лучше бы ты сказала, что это дар для меня щедрого Всевышнего! — Воскликая так, он обхватил приблизившуюся к нему жену за талию и опустился перед ней на колени. Из глаз Даира Каменовича, вокруг которых уже появились морщинки, потекли горячие слезы, заставив запотеть стекла очков.

Из-за того, что Даир Каменович являлся единственным продолжателем рода, идущего от трех прадедов, мысль о том, что он может прерваться на его единственной дочери, порой огорчала его. Но вот Аллах благодетельствовал тем, что послал ему наследника следом за Жулдыз.

Действительно, будучи единственным продолжателем шести поколений своей семьи по мужской линии, Даир Каменович опасался, что на нем прервется их род, но в одно прекрасное светлое весеннее утро его маленький наследник открыл дверь в этот бренный и преходящий мир, который, чередуя дни и ночи, сменяя белое на черное, мешая счастье и горе, зиму и лето, горечь и сладость, любовь и ненависть, подвергает каждого живущего на земле испытаниям, дарует радости и достижения...

Перевод с казахского Госмана Толегулулы

